

ЛИЗА КЛЕЙПАС

Осенний поцелуй

МАРМ

Желтофиоли

Лиза Клейпас

Осенний поцелуй

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Клейпас Л.

Осенний поцелуй / Л. Клейпас — «Издательство АСТ»,
2005 — (Желтофиоли)

ISBN 978-5-17-134332-3

По-американски свободная и независимая богатая наследница Лилиан Боумен снова и снова шокировала чопорный лондонский свет тем, что ей казалось самыми обычными поступками, а англичанам – дикими выходками. И громче всех осуждал ее самый завидный холостяк избранного общества – Маркус, лорд Уэстклифф. Каково же было изумление девушки, когда однажды в саду этот записной сноб вдруг сжал ее в объятиях и страстно поцеловал! Маркус всегда гордился своим самоконтролем и сдержанностью. Как же получилось, что дерзкая девчонка, из которой никогда не вышло бы настоящей британской леди, заставила его настолько потерять власть над собой? И рискнет ли он, хоть и пылая от страсти, поставить на карту свою безупречную репутацию и положение, сделав «дикарку» Лилиан своей женой?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-134332-3

© Клейпас Л., 2005

© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лиза Клейпас

Осенний поцелуй

*Кристине Додд, моей сестре, подруге и вдохновительнице.
С любовью, Л.К.*

Пролог

Лондон, 1843 год

Две молодые женщины стояли на пороге парфюмерной лавки. Судя по акценту, одна из них явно была американка. Она нетерпеливо дергала свою спутницу за рукав.

– Нам обязательно нужно туда идти?

Она была поменьше ростом, но упорно сопротивлялась попыткам увлечь ее в ненавистный магазин.

– Мне становится скучно до слез, когда я попадаю в такие места, Лилиан. А ты готова часами стоять и нюхать все эти склянки.

– Тогда подожди в карете, с горничной.

– Это еще скучнее. К тому же я никуда не должна отпускать тебя одну. Без меня ты непременно попадешь в какую-нибудь историю.

Для благовоспитанной дамы ее более высокая спутница рассмеялась слишком громко и весело. Девушки вошли в магазин.

– Дело не в том, что ты боишься, если я попаду в историю, Дейзи. Просто ты не хочешь пропустить зрелище, если действительно что-то случится.

Дейзи угрюмо ответила:

– К сожалению, в парфюмерной лавке приключений не встретишь.

Сзади раздалось вежливое хихиканье. Девушки обернулись. Пожилой господин в очках стоял за длинным дубовым прилавком, покрытым многочисленными царапинами.

– Вы так уверены в этом, мисс? – спросил он с улыбкой. – Некоторые верят, что духи – это волшебство. Аромат способен выразить самую суть вещей и людей, пробудить призрак прошлой любви, вызвать сладчайшие воспоминания...

Дейзи эхом отозвалась:

– Призрак?

Она была заинтригована, а подруга нетерпеливо ответила:

– Дорогая, он ведь не буквально. Духи не могут вызвать привидение. Это всего лишь смесь ароматических частиц, которые взаимодействуют с обонятельными рецепторами в твоем носу.

Пожилой господин, мистер Финеас Неттл, взглянул на девушек с неподдельным интересом. Они не были красавицами в общепринятом смысле этого слова, хотя обе, безусловно, привлекали внимание. Бледная кожа и густые темные волосы, строгая чистота линий, кажется, довольно часто встречались у американских девушек.

– Прошу вас! Не угодно ли взглянуть на наш товар, мисс?

– Боумен, – любезно ответила старшая из девушек. – Лилиан и Дейзи Боумен.

Она бросила быстрый взгляд на стоящую у прилавка светловолосую даму в дорогом наряде, давая понять продавцу, что согласна дожидаться своей очереди.

Пока блондинка нерешительно перебирала выставленные перед ней образцы духов, американки принялись бродить среди полок. Здесь были флакончики с духами и одеколоном, помада, воск, баночки с кремом, мыло – все, чтобы можно было заботиться о красоте. Привлекали внимание масла для ванны в хрустальных бутылочках, жестянки с мазями из трав, разнообразные крошечные коробочки. На нижних полках размещались ароматизированные свечи и чернила, соли, благоухающие гвоздичным маслом; корзиночки с сухими цветочными лепестками и горшочки с притираниями и бальзамами. Мистер Неттл заметил, что младшая из девушек, Дейзи, разглядывала содержимое полок без всякого интереса. Та, что была постарше, Лилиан, внимательно изучала полку с маслами и вытяжками, содержащими чистые ароматы

розы, миндаля, жасмина, бергамота. Девушка осторожно брала янтарные флакончики, вынимала пробку и с видимым удовольствием вдыхала чудесные запахи.

А в это время блондинка наконец-то остановила свой выбор на флакончике духов и покинула магазин.

Лириан проводила ее взглядом и задумчиво пробормотала:

– Интересно, почему многие блондинки пахнут амброй?

Дейзи спросила:

– Ты имеешь в виду, выбирают духи с амброй?

– Нет, у них кожа сама по себе пахнет амброй, а иногда даже медом.

Младшая озадаченно хихикнула:

– Что ты такое говоришь? Люди ничем не пахнут, а если пахнут, им пора принять ванну.

Девушки посмотрели друг на друга с некоторым удивлением.

– Да нет же, пахнут, – сказала Лириан. – У каждого из нас есть свой запах. Неужели ты не замечала? У одних кожа пахнет, как горький миндаль или фиалка, а у других...

– Другие пахнут сливой, или пальмовым маслом, или свежим сеном, – подхватил Неттл.

Лириан взглянула на него с одобрительной улыбкой:

– Именно так!

Неттл снял очки и принялся тщательно их протирать, скрывая за этим жестом некоторое замешательство. Неужели такое возможно? Неужели девушка и в самом деле способна почувствовать индивидуальный запах человека? Он сам, конечно, мог, но это редкий дар. А уж для женщины... Неттл о таком никогда не слыхивал.

Из расшитой бисером сумочки, свисавшей с ее запястья, Лириан Боумен извлекла полоску сложенной бумаги.

– У меня записан состав духов, – обратилась она к парфюмеру, протягивая ему листок, – хотя я не вполне уверена в пропорциях ингредиентов. Не могли бы вы изготовить для меня эту смесь?

Неттл развернул сложенный листок и прочел список составляющих. Его седеющие брови слегка поползли вверх.

– Необычное сочетание, но очень интересное. Думаю, получится чудесно.

Он пристально посмотрел на девушку.

– Могу я спросить, мисс Боумен, где вы раздобыли этот состав?

– У себя в голове. Я пыталась подобрать запахи, наилучшим образом оттеняющие мой собственный аромат, хотя, как я уже сказала, мне трудно точно определить пропорции.

Неттл еще раз пробежал глазами список, скрывая скептическую усмешку. Частенько бывало и раньше, что покупатель требовал приготовить духи на основе какого-нибудь главного аромата – розы или лаванды, но чтобы целый список составляющих... такого еще не было. А сочетание запахов было хоть и необычным, но вполне гармоничным. «Вероятно, по чистой случайности», – подумал Неттл.

– Мисс Боумен, – спросил он, гадая, насколько далеко заходят ее способности, – вы позволите показать вам некоторые из моих духов?

– Да, конечно, – ответила Лириан радостно, подходя к прилавку.

Неттл принес маленький хрустальный пузырек с бледной, слегка светящейся жидкостью.

– Что вы делаете? – спросила она, когда парфюмер вылил несколько душистых капель на льняной носовой платок.

– Никогда не нужно вдыхать аромат прямо из флакона, – объяснил Неттл, протягивая ей платок. – Лучше сначала дождаться, пока улетучится спирт, тогда на ткани останется чистый запах. Скажите, мисс Боумен, какие запахи вы можете различить в этих духах?

Разделить компоненты сложной смеси – это была весьма трудная задача даже для самого опытного парфюмера.

Лириан склонила голову, вдохнув аромат. Ничуть не колеблясь, она назвала компоненты, будто пианистка, разыгрывающая гаммы.

– Цветок апельсина, нероль, амбра и... мох? – Она замолчала. Ее ресницы озадаченно трепетали над бархатисто-карими глазами. – Мох?

Неттл был поражен до крайности. Обычный человек не смог бы распознать ингредиенты сложной смеси. Он, возможно, может определить главную составляющую – розу, лимон или, к примеру, мяту, но оттенки одного аромата! Они лежат за пределами человеческих возможностей.

Очнувшись от раздумий, Неттл слегка усмехнулся, услышав вопрос девушки. Он часто добавлял в свои духи необычную нотку, благодаря которой запахи обретали особую глубину и выразительность. Но еще никто ни разу не угадал, что именно он добавил...

Он достал еще один платок и капнул из другого флакона.

– Попробуйте вот этот...

Лириан справилась с новой задачей с той же поразительной легкостью:

– Бергамот, тубероза, ладан...

Она немного подумала, делая вдох за вдохом, но потом удивленно улыбнулась и добавила:

– И чуть-чуть кофе...

Ее сестра Дейзи наклонилась над флакончиком и воскликнула:

– Кофе? Здесь и не пахнет никаким кофе...

Лириан вопросительно взглянула на Неттла, а тот улыбнулся, подтверждая ее догадку:

– Да, кофе.

Он восхищенно покачал головой, не веря происходящему:

– У вас талант, мисс Боумен!

Пожав плечами, Лириан криво усмехнулась.

– Боюсь, не много проку от этого таланта, когда ищешь мужа. Вместо того чтобы наградить меня неотразимой красотой или чудесным голосом... Как говорит моя матушка, даме не пристало приниматься...

– Только не у меня в магазине, – ответил Неттл.

Они так увлеченно продолжали беседовать о запахах, как другие люди делились бы впечатлением о виденных в музее картинах. О свежих запахах наполненного туманом леса после дождя; о горьковатом морском ветерке; о густом, отдающем плесенью, аромате трюфеля; о пронзительной свежести снежного зимнего неба...

Дейзи быстро потеряла всякий интерес к разговору и отправилась бродить среди полок. Она открыла коробочку с пудрой и расчихалась, потом нашла банку с леденцами, которые и принялась грызть с громким хрустом.

Лириан рассказала Неттлу, что ее отец владеет в Нью-Йорке фирмой, производящей духи и мыло. Девушка получила начальные знания парфюмерного дела, время от времени посещая лаборатории и фабрики отцовской фирмы. Она даже помогла разработать ароматический состав для одного сорта мыла. Никакого специального образования девушка не получила, но Неттлу сразу стало ясно: она необычайно талантлива от природы. К сожалению, этому таланту не суждено раскрыться во всей полноте, ведь она – женщина.

– Мисс Боумен, – сказал он, – у меня есть эссенция, которую я хотел бы вам показать. Если вы сообразовываете подождать немного, пока я схожу за ней...

Лириан кивнула и осталась дожидаться, облокотившись о прилавок. Ей стало любопытно. Неттл исчез за занавеской, прикрывающей ход в соседнюю комнату. Там хранились многочисленные папки с прописями, громоздились шкафы, забитые вытяжками, настойками, дистиллятами. На самой верхней полке покоились завернутые в льняную ткань старинные галльские и

греческие фолианты, посвященные парфюмерному искусству. Хороший парфюмер – это всегда немного алхимик, немного художник и немного волшебник.

Взобравшись на деревянную лесенку, Неттл достал с полки сосновый ящичек... И вот ящичек оказался на прилавке. Сестры Боумен с любопытством следили, как пальцы Неттла откинули крошечные медные петельки. Внутри оказался флакончик, запечатанный восковой печатью. Эти капельки почти бесцветной жидкости стоили целого состояния, ведь более ценного вещества Неттл не получил за всю свою жизнь.

Сорвав печать, он капнул драгоценную жидкость на платок и подал его Лилиан. Она сделала вдох. Почти невесомый аромат, легкий и нежный, он вдруг набрал силу, сменился неожиданно чувственным. И вот уже первое дуновение унеслось прочь, оставив на память дразнящий сладковатый привкус.

Лилиан изумленно смотрела на парфюмера поверх носового платка.

– Что это?

– Редкая орхидея. Она пахнет лишь ночью, – ответил Неттл. – У нее снежно-белые лепестки, куда более нежные, чем у жасмина. Цветок нельзя нагревать, он слишком хрупкий.

– И как же извлечь ароматическое вещество? Холодный анфлераж? – деловито предположила Лилиан, имея в виду метод извлечения драгоценного эфирного масла.

– Вы правы. Цветочные лепестки вымачивают в жире, пока он не вберет в себя эфирный компонент. Потом жир обрабатывают спиртовым растворителем, чтобы извлечь чистое вещество.

Девушка еще раз вдохнула изысканный запах.

– И как же называется эта орхидея?

– Царица ночи.

Дейзи восхищенно хихикнула.

– Похоже на название одного из тех романов, что матушка запрещала нам читать.

– Я бы посоветовал использовать каплю этого вещества в вашем заказе вместо лаванды, – предложил Неттл. – Может быть, будет стоить дороже, но, по-моему, нижняя нота получится просто восхитительной, особенно если вы хотите взять амбру в качестве закрепляющего ингредиента.

– Насколько дороже? – поинтересовалась Лилиан.

Неттл назвал цифру, и ее глаза округлились от удивления.

– Боже правый, не на вес золота, а дороже!

Жестом фокусника Неттл поднес флакончик к свету. Жидкость засверкала и заискрилась, как бриллиант.

– Боюсь, настоящее волшебство не может стоить дешево.

Лилиан рассмеялась, не сводя зачарованного взгляда с флакончика.

– Настоящее волшебство, – фыркнула она.

– Да, это вещество может сотворить чудо, – настаивал Неттл, улыбаясь. – К тому же я добавлю в духи особый секретный ингредиент, который усилит эффект.

Конечно, Лилиан ему не поверила, но была так заинтригована, что договорилась о повторном визите в магазин. Лилиан оплатила заказ, а также съеденные сестрой леденцы. Девушки вышли на улицу. Одного взгляда на лицо Дейзи было достаточно, чтобы понять: у бедняжки голова пошла кругом от этих разговоров о волшебных духах, секретных ингредиентах. Она и без того отличалась живым воображением, а тут...

– Лилиан, а ты дашь мне подушиться этими волшебными духами?

– Я ведь всегда делюсь с тобой, разве нет?

– Нет.

Лилиан застонала. Показное соперничество, а иногда и мелкая ссора случались между ними, но на самом деле сестры были верными союзницами и близкими подругами. Не многие

из тех, с кем сводила судьба Лилиан, любили ее. За исключением, конечно, Дейзи. Сестра была готова обожать и грязную бродячую собаку, и самых ужасных детей, и какую-нибудь никчемную вещь, которую следовало бы починить или просто выбросить...

И все-таки они были совершенно разными. Дейзи – идеалистка, мечтательница, с живым, переменчивым характером. В ней прекрасно уживались причудливое детское воображение и трезвая расчетливость. О себе Лилиан могла бы сказать так: остра на язычок, готова противостоять всему миру, довольно циничная, исключительно преданная маленькому кружку друзей, особенно «желтофиолям» (так называли себя ее знакомые девушки, весь прошлый сезон тоскливо подпиравшие стены на балах и вечеринках в одиночестве). Дейзи и Лилиан, а также их подруги Аннабел Пейтон и Эванджелина Дженнер поклялись, что будут помогать друг другу в поисках мужа. Их усилия не пропали даром, ведь всего два месяца назад Аннабел счастливо сочеталась браком с мистером Саймоном Хантом. Следующей на очереди была сама Лилиан, однако четкого плана действий у девушек пока не было. Кого они хотят поймать? И как именно следует действовать, чтобы привлечь добычу?

– Конечно, я дам тебе попробовать мои духи, – сказала Лилиан, – хотя одному Богу известно, чего ты от них ждешь.

– Разумеется, что в меня безумно влюбится прекрасный герцог, – ответила Дейзи.

– А ты много видела молодых и красивых герцогов? – насмешливо спросила Лилиан. – По большей части это зануды преклонного возраста, а еще у них такое выражение лица, словно они проглотили лимон.

Коротко рассмеявшись, Дейзи обняла сестру за талию.

– Нужный нам джентльмен где-то рядом, – заявила она, – и мы его обязательно найдем.

Лилиан насмешливо спросила:

– Откуда такая уверенность?

– Нам поможет волшебство, – лукаво улыбнулась Дейзи.

Глава 1

Стоуни-Кросс-Парк, Гэмпшир

– Боумены приехали, – объявила леди Оливия Шоу, стоя на пороге кабинета.

Ее старший брат сидел за письменным столом, заваленным кипами бухгалтерских книг. День катился к закату. Золотой свет солнца лился сквозь высокие прямоугольные окна цветного стекла.

Маркус, лорд Уэстклиф, с недовольной гримасой оторвал взгляд от бумаг, и его темные брови почти сошлись над кофейно-черными глазами. Он пробормотал:

– Ну, сейчас начнется!

Ливия рассмеялась:

– Полагаю, ты имеешь в виду дочек? В любом случае они забавнее, чем твои цифры.

Маркус быстро ответил:

– Ничего подобного.

Посадив огромную кляксу на безупречно выписанной линии цифр, он с отвращением посмотрел на зажатое в пальцах перо.

– Еще две дурно воспитанные девицы, с которыми мне нужно знакомиться. Особенно старшая!

– Они ведь американки, не так ли? – заметила Ливия. – Вряд ли стоит ожидать, что они знакомы со всеми тонкостями наших бесконечных светских ритуалов.

– Я еще могу простить им незнание тонкостей, – перебил ее Маркус. – Я не из тех, кто с ужасом подмечает, под каким углом оттопырен мизинец мисс Боумен, когда она держит чашку чая. Я возражаю против тех ее выходок, что считаются предосудительными в любом уголке цивилизованного мира.

«Выходки, – подумала Ливия. – Вот это уже интересно!» Она вошла в кабинет. Эта комната напоминала Ливии об умершем отце, и поэтому она ее недолюбливала.

Она болезненно воспринимала любое напоминание о восьмом графе Уэстклифе. Их отец был жестоким и черствым. Каждый раз, когда отец входил в комнату, ей казалось, что она начинает задыхаться от нехватки воздуха. Граф разочаровался во всех и во всем в своей жизни. Из трех его отпрысков только Маркус в какой-то степени отвечал высоким требованиям отца, потому что Маркус никогда не жаловался. Не жаловался даже тогда, когда его несправедливо наказывали.

Сестры Ливия и Алина относились к старшему брату с благоговением. Брат постоянно стремился к совершенству, получал самые высокие оценки в школе, бил всевозможные рекорды во многих видах спорта и относился к себе с исключительной строгостью. Маркус был способен укротить необъезженную лошадь, станцевать кадрили, прочитать лекцию по математике, перевязать рану или починить колесо кареты. Впрочем, ни один из его талантов граф так и не удосужился похвалить.

Ливия поняла, что отец стремился вытравить из характера единственного сына любое проявление мягкости. Одно время даже казалось, что ему это удалось. Однако пять лет назад, после смерти графа, вдруг оказалось, что Маркус – совсем не тот человек, каким был вынужден казаться. К радости Ливии и Алины, у брата всегда находилось время поговорить с ними. Какими бы незначительными ни казались их беды, Маркус всегда был готов прийти на помощь, а ведь сочувствие, понимание и любовь просто вытравлялись из него каленым железом.

И все же надо заметить, что Маркус отличался некоторой властностью, манипулируя даже теми, кого любит. Он просто вынуждал поступать так, как ему казалось правильным. Если бы Ливия стала сейчас перечислять все недостатки характера брата, она непременно упомянула бы еще об одном досадном качестве – его непоколебимой вере в собственную непогрешимость.

С улыбкой глядя на любимого брата, Ливия недоумевала, почему так обожает его, ведь он внешне – вылитый отец. У Маркуса были те же грубоватые черты лица: широкий лоб, крупный тонкогубый рот, широковатый нос, упрямый подбородок. Красивым его явно не назовешь, скорее – вызывающим, хотя, как ни странно, брат привлекал немало женских взглядов. Живые темные глаза Маркуса часто заволакивала насмешливая дымка, и улыбка была чудесная, неожиданная, поразительно белоснежная.

Откинувшись на спинку кресла, Маркус наблюдал за приближающейся сестрой. Стояли необычно теплые для начала сентября дни. Он снял куртку и закатал рукава рубашки. В таком виде он явно привлекал к себе внимание: мускулистые смуглые руки, слегка поросшие темными волосками, необычайно пропорциональное телосложение. Мощная фигура выдавала в нем страстного спортсмена.

Ливии ужасно хотелось узнать еще что-нибудь о «выходках» дурно воспитанной мисс Боумен. Присев на край письменного стола, она заглянула брату в лицо.

– Интересно, что же мисс Боумен сделала такого, чтобы так тебя разозлить? – задумчиво проговорила она. – Пожалуйста, Маркус, расскажи! Если не скажешь, я подумаю бог весть что. Мое воображение уже рисует мне что-то очень скандальное, что бедняжка мисс Боумен могла учудить.

Маркус презрительно фыркнул:

– Бедняжка мисс Боумен! И не проси, Ливия. Я не могу обсуждать с тобой такие вещи.

Как и большинство мужчин, Маркус не подозревал, что нет более верного способа развеять женское любопытство, чем отказать в обсуждении «таких вещей».

– Выкладывай, Маркус, – скомандовала она, – или горько пожалеешь.

Он приподнял бровь в иронической усмешке.

– К чему лишние угрозы? Боумены уже здесь. Что может быть хуже?

– Тогда я попробую догадаться. Ты застукал мисс Боумен с кем-нибудь? Она позволила джентльмену поцеловать себя... или что-нибудь еще похуже?

Маркус ответил насмешливой полуулыбкой.

– Ну, это вряд ли. Достаточно взглянуть на эту девицу, чтобы любой находящийся в здравом уме мужчина дал деру, вопя от ужаса.

Ливия нахмурилась. Похоже, братец не на шутку разозлен на Лилиан Боумен.

– Маркус, она очень хорошенькая!

– Красивой наружности маловато, чтобы скрывать такие изъяны характера.

– Это какие же?

Маркус фыркнул себе под нос, не желая пускаться в объяснения. И так все ясно!

– Она любит управлять людьми.

– Ты тоже, дорогой, – промурлыкала Ливия.

Он как будто не слышал.

– Она старается верховодить.

– Так же, как и ты!

– Она заносчива и бесцеремонна!

– Как и ты, – весело сказала Ливия.

Маркус рассердился:

– Мне казалось, что мы говорим сейчас о недостатках мисс Боумен, а не о моих!

Ливия запротестовала, говоря довольно невинным тоном:

– Но мне кажется, что в вас так много общего!

Она смотрела, как брат кладет перо, поправляет стопку бумаги на столе.

– Ну, если мы говорим о ее недостойном поведении... Ты хочешь сказать, что застал ее при компрометирующих обстоятельствах?

– Нет, я этого не говорил, а только сказал, что она не была в обществе джентльменов.

– Маркус, у меня нет времени разгадывать загадки, – сказала Ливия, теряя терпение. – Я должна идти встречать Боуменов. И ты, кстати, тоже. И все же скажи, что такого неприличного она натворила?

– Ты будешь смеяться, если я скажу.

– Она села на лошадь по-мужски? Курила сигару? Плавала голая в пруду?

– Не совсем.

Маркус задумчиво взял в руки стереоскоп – подарок ко дню рождения от сестры Алины, живущей с мужем в Нью-Йорке. Это было новейшее изобретение, модная вещица из клена и стекла. С помощью стереоскопа можно было увидеть объемное изображение. Стереоснимок поражал глубиной и четкостью деталей... Казалось, что веточка дерева вот-вот оцарапает столь любопытный нос, а горное ущелье, развернув пасть, готово было поглотить зрителя, рискующего свалиться туда в любую минуту. Маркус поднес стереоскоп к глазам и стал внимательно разглядывать снимок римского Колизея.

Видя, что сестра готова взорваться от нетерпения, брат вдруг сказал:

– Я видел, как мисс Боумен играет в лапту в одном нижнем белье.

Ливия уставилась на брата.

– В лапту? Ты имеешь в виду игру с кожаным мячом и плоской битой?

Маркус скривился.

– Это было, когда она приезжала сюда в прошлый раз. Мисс Боумен, ее сестра и две их подружки носились как угорелые, а я и Саймон Хинт случайно проезжали мимо. Все они были в нижнем белье, кричали, что в эту игру невозможно играть в тяжелых юбках. И сейчас они придумают любую отговорку, лишь бы побегать полуголыми. Эти сестры Боумен – сущие гедонистки в своей жажде наслаждений!

Ливия зажала рот, безуспешно пытаясь не рассмеяться.

– Не могу поверить, что ты до сих пор молчал об этом!

Маркус поставил стереоскоп на место.

– Хотя бы мне поскорее об этом забыть! – мрачно заметил он. – Как, Бога ради, мне смотреть в лицо Томасу Боумену? Ведь у меня перед глазами так и стоит видение его полуодетой дочери!

Ливия с веселым удивлением рассматривала профиль брата, ведь он сказал: «дочери», не «дочерей»! Ясно, младшей он даже и не заметил. Ему врезалась в память старшая.

Хорошо зная характер брата, Ливия могла бы еще подумать, что этот случай должен его позабавить, а не разозлить. Конечно, у Маркуса строгие нравственные принципы, но он далеко не ханжа. Постоянной любовницы у него пока не было, но до Ливии доходили слухи о нескольких романах. Ей даже довелось краем уха услышать, что строгий на вид братец весьма предприимчив в дамских спальнях. Но как бы там ни было, а живая и веселая американская девушка с неотесанными манерами, горячей кровью и свежее испеченным богатством совершенно вывела Маркуса из себя. К чему бы это? Уж не подействовала ли и на Маркуса эта американская притягательность, под чары которой угодила вся семья Марсден? В конце концов, Алина вышла замуж за американца, да и она сама только что сочеталась браком с Гидеоном Шоу из Нью-Йорка.

– Думаю, в нижнем белье она была очаровательна? – спросила Ливия лукаво.

– Да, – ответил Маркус, не задумавшись ни на секунду, – то есть нет. – Он фыркнул. – Я хочу сказать, что почти не смотрел на нее и не мог оценить ее прелести, если, конечно, там есть что оценивать.

Ливия прикусила нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

– Да брось, Маркус, ты ведь здоровый тридцатипятилетний мужчина. Неужели ты даже одним глазком не подсмотрел, как мисс Боумен стоит перед тобой в одних панталонах?

– Ливия, у меня нет привычки подсматривать. Я или смотрю в открытую, или не смотрю вообще. Подглядывать – это для детей или извращенцев.

Она посмотрела на него с состраданием.

– Что ж, я ужасно сожалею, что тебе пришлось вытерпеть такую неприятность. Остается лишь надеяться, что в этот визит мисс Боумен не станет снимать одежду, чтобы шокировать твои утонченные чувства.

Маркус скорчил гримасу.

– Наверняка не постесняется.

– Что ты имеешь в виду? – усмехнулась Ливия. – Не постесняется раздеться или шокировать?

Он прорычал:

– Достаточно, Ливия.

Она захихикала.

– Идем, мы должны поздороваться с Боуменами.

– У меня нет на это времени, – быстро ответил Маркус, – придумай для меня какое-нибудь извинение.

Ливия изумленно уставилась на брата.

– Да нет же, Маркус! Ты просто обязан. Первый раз вижу, чтобы ты проявил такую неучтивость!

– Черт возьми, они ведь пробудут у нас почти месяц. Будет еще время загладить вину. Разговор об этой девице Боумен вконец испортил мне настроение, даже зубы сводит.

Ливия принялась задумчиво рассматривать брата, а он терпеть не мог эту ее манеру.

– Я много раз видела, как ты разговариваешь с людьми, которых терпеть не можешь. Раньше тебе всегда хватало выдержки, особенно если тебе что-нибудь от них нужно. По той или иной причине, но упоминание о мисс Боумен слишком тебя раздражает. Кажется, я догадываюсь почему.

Его глаза вызывающе блеснули.

– В самом деле?

– Пока это всего лишь предположение. Я дам тебе знать, когда приду к определенному выводу.

– Боже сохрани. Лучше пойди и поприветствуй наших гостей, Ливия.

– А ты будешь сидеть в кабинете, словно загнанная в нору лиса?

Маркус встал.

– Я выйду через черный ход, хочу проехать верхом. Думаю, прогулка будет длинной.

– Когда ты вернешься?

– Приеду к ужину.

Ливия устало вздохнула.

– Лучше бы тебе не задерживаться, – предупредила она. – Когда я согласилась исполнять роль хозяйки твоего дома, я и не предполагала, что мне придется буквально все делать самой.

– Я никогда не опаздываю, – ровным голосом сообщил Маркус и рванул вперед такими шагами, как приговоренный к казни человек, которого вдруг помиловали.

Глава 2

Маркус скакал прочь от дома, направляя лошадь по наезженной лесной дороге далеко за пределы поместья. Он спустился в ложину, а затем взобрался вверх по склону и опустил поводья. Лошадь неслась через высушенные солнцем луга. Когда-то здесь был королевский охотничий заказник, теперь же поместье пользовалось славой одного из самых модных мест в Англии. Сюда особенно любили наезжать сливки общества.

Нескончаемый поток гостей был Маркусу только на руку. У него появится многочисленная компания для охоты и спортивных развлечений. Можно будет спокойно допустить некоторую свободу политического и финансового маневрирования, ведь какие только дела не решались на домашних приемах!

Однако в последние несколько дней Маркус почувствовал какую-то тревогу, а со временем это ощущение только усилилось. Человек исключительно рациональный, он не верил в предчувствия и всякую спиритуалистическую чепуху, столь модную ныне в свете. Но ему действительно казалось, что даже воздух Стоуни-Кросс-Парка изменился. Какое-то тревожное ожидание, затишье перед бурей. Маркус просто не находил себе места.

При мысли о Боуменах беспокойное чувство усилилось. Не надо было их приглашать. По правде говоря, он с превеликой радостью отказался бы от сделки с Томасом Боуменом, если бы это избавило от их присутствия. К сожалению, они уже приехали и собирались гостить в поместье целый месяц.

«Что ж, надо извлечь из этого выгоду».

Маркус собирался переговорить с Томасом Боуменом насчет расширения его мыловаренного производства и строительства фабрики... где-нибудь в Ливерпуле или, скажем, в Бристоле. Если верить друзьям-либералам в парламенте, информирующим Маркуса о состоянии дел, британский налог на мыло будет вскоре отменен. Если такое случится, мыло станет доступным для простых людей. Это будет способствовать улучшению здоровья нации и... пополнению банковского счета Маркуса. Все зависит от того, возьмет ли Боумен его в партнеры.

Однако к чему лукавить? Томаса Боумена волновали не столько деловые переговоры, сколько желание представить свету своих дочек. В последнее время стало модным привозить американских наследниц в Англию, чтобы они могли подцепить мужа. Честолюбивые американские мисс, жаждущие титулов всеми правдами и неправдами, добивались, чтобы о них написали в газетах. Они без устали расхваливали самих себя. Это с их-то ужасным акцентом! Неуклюжие и горластые, самоуверенные молодые девицы мечтали купить себе титул на деньги своих родителей и часто добивались успеха.

Маркус познакомился с сестрами Боумен в их прошлый визит в Стоуни-Кросс-Парк. Обе показались ему особами малопривлекательными. Особенно невзлюбил он старшую, Лилиан. Она и ее подруги – «желтофиоли», как они себя называли с гордостью, придумали целый план, пытаясь завлечь в брачную ловушку наследника знатного рода. Маркус и сейчас не может забыть, как он был шокирован, когда план раскрылся. Он тогда спросил у Лилиан, может ли хоть что-нибудь ее остановить. И что же ответила эта нахалка? «Может быть, и есть, да только такого еще не случилось!»

Эта дерзкая американка не была похожа ни на одну женщину из его знакомых. А игра в лапту? Она ведь нарочно бегала в одном нижнем белье! Маркус пришел к стойкому убеждению, что Лилиан Боумен просто хулиганка. Это было похоже на приговор, ведь Маркус редко менял свое мнение.

Сейчас же Маркус лихорадочно пытался придумать, как ему лучше всего вести себя с Лилиан. Спокойно и отстраненно. Несомненно, она придет в ярость, когда увидит такое безразличие. Маркус даже немного развеселился. Да, он будет делать все, чтобы избегать ее, а

если это будет невозможно, Маркус будет вести себя с холодной учтивостью. Он перестал хмуриться, натянул поводья и легко перескочил через живую изгородь.

– Итак, девочки, – сказала Мерседес Боумен, строго глядя на дочерей, стоя в дверях их комнаты, – я настаиваю, чтобы вы вздремнули хотя бы два часа. Вечером вы должны выглядеть свежими и бодрыми, ведь ужин у лорда Уэстклифа обычно начинается поздно. Я не хочу, чтобы вы зевали за столом.

– Да, мама, – послушно ответили обе, сохраняя на лице самое невинное выражение.

Миссис Боумен отличалась чрезмерным честолюбием, кипучей энергией и такой стройной фигурой, что рядом с ней даже хлыст показался бы недостаточно изящным. В своей обычной резковатой манере она взволнованно и твердо выговаривала дочерям, ни на минуту не забывая о главной цели своей жизни – найти обеим блестящие партии.

– Вы не должны выходить из комнаты ни при каких обстоятельствах. Никаких прогулок тайком по поместью лорда Уэстклифа, никаких авантюр или интриг, никаких приключений на свою голову. Думаю, вас нужно запереть на ключ. Только так я смогу быть спокойна.

– Мама, – запротестовала Лилиан, – пожалуй, во всем цивилизованном мире не найдется места более скучного и безопасного, чем Стоуни-Кросс-Парк. Я готова съесть собственные туфли! Какая беда может с нами приключиться?

– Вы умеете сотворить беду прямо из чистого воздуха, – возразила Мерседес, и ее глаза сузились. – Вот поэтому я с вас глаз не спущу. Взять хотя бы ваше поведение в прошлый приезд. Удивляюсь, как нас вообще сюда пригласили!

– А я нет, – сухо заметила Лилиан. – Все знают, что Уэстклиф имеет виды на папину парфюмерную компанию.

– Лорд Уэстклиф, – прошипела Мерседес. – Лилиан, тебе следует говорить о нем уважительно. Это самый богатый лорд Англии, а что касается его происхождения...

– Его род древнее, чем у самой королевы! – произнесла Дейзи нараспев. Все это она уже много раз слышала.

– Самый древний графский род в Британии, что делает его наследника...

– Самым разборчивым женихом в Европе, – закончила сухо Лилиан, насмешливо приподняв брови. – А может быть, и во всем мире. Матушка, если вы всерьез верите, что Уэстклиф может жениться на ком-нибудь из нас двоих, вы просто сошли с ума.

– Она не сошла с ума, – сказала сестре Дейзи. – Просто она из Нью-Йорка...

Там, в Нью-Йорке, людей, подобных Боуменам, становилось все больше. Такие семьи в фешенебельных кругах считали выскочками. Они сумели сколотить крупные состояния в промышленности, на заводах или рудниках, тем не менее попасть в высший свет Нью-Йорка у них не было никакой возможности, а они так жаждали туда проникнуть! Одиночество, обида – вот что питало амбиции Мерседес.

– Мы заставим лорда Уэстклифа забыть ваше прискорбное поведение во время прошлого визита, – сурово объявила Мерседес. – Вы будете вести себя скромно, тихо, прилично. И больше никаких «желтофиолей»! Я хочу, чтобы вы отныне держались подальше от этой нахалки Аннабел Пейтон. И той другой, как ее...

– Эви Дженнер, – сказала Дейзи. – А ведь одна из подруг теперь Аннабел Хант, мама.

– Аннабел действительно вышла замуж за лучшего друга Уэстклифа, – заметила Лилиан безразличным тоном. – Думаю, это как раз оправдывает то, чтобы видаться с ней и дальше, мама.

– Я подумаю, – пообещала Мерседес, подозрительно глядя на дочерей. – А пока что вам нужно хорошенько поспать. И чтобы ни звука ни от одной из вас, вы меня поняли?

– Да, мама, – ответили они хором.

Дверь закрылась. Ключ решительно повернулся снаружи. Замок щелкнул.

Сестры посмотрели друг на друга с одинаковой ухмылкой на лицах.

– Это еще хорошо, что она не узнала про ту игру в лапту, – сказала Лилиан.

– Она бы нас просто убила, – мрачно согласилась Дейзи.

Из маленькой эмалевой шкатулки на туалетном столике Лилиан выудила шпильку для волос и направилась к двери.

– Жаль, что она так расстраивается из-за пустяков, правда?

– Как в тот раз, когда мы запустили грязного поросенка в гостиную миссис Астор.

– Да, это было весело. – Улыбнувшись, Лилиан опустилась перед дверью на колени и сунула шпильку в замок. – Знаешь, я часто думала: ну как она не понимает, что мы пытались ее защитить? Нужно ведь было сделать что-нибудь после того, как миссис Астор не пригласила маму к себе на вечер.

– Наверное, мама посчитала, что грязная скотина – не лучший способ рекомендации гостей на вечеринках.

– Во всяком случае, это было не так уж плохо, если вспомнить, как мы запустили римскую свечу в магазине на Пятой авеню.

– Это потому, что продавец нам нагрубил!

Вытащив шпильку, Лилиан привычным движением согнула один ее конец, просунув его в скважину. Несколько поворотов – и замок щелкнул. Лилиан с победной улыбкой посмотрела на младшую сестру.

– Кажется, сегодня это получилось особенно быстро.

Но Дейзи не разделяла ее радости.

– Лилиан, если тебе и в самом деле удастся найти мужа в этом году, все изменится. Ты сама станешь другой. Больше не будет никаких приключений, никаких проделок! И я останусь одна.

– Не глупи, – возразила Лилиан, скорчив гримаску, – я не собираюсь меняться. Ты не останешься в одиночестве.

– У тебя будет муж, которому ты будешь подчиняться, – возразила Дейзи, – и он не позволит тебе затевать проделки вместе со мной.

– Нет, нет и нет.

Лилиан встала и махнула рукой.

– Такой муж мне не нужен. Я выйду замуж за человека, который не станет ничего замечать. Или которому будет все равно, чем я занимаюсь, когда его нет рядом. За такого, как наш папа.

– Но с таким, как наш папа, мама не выглядит очень уж счастливой. Хотела бы я знать, была ли у них вообще любовь?

Слова сестры заставили Лилиан задуматься. С мрачным видом она прислонилась к двери. До этого момента ей даже не приходило в голову задуматься, а был ли вообще брак их родителей заключен по любви? Какое-то внутреннее чувство подсказывало, что нет. Отец и мать казались ей слишком замкнутыми, обе стороны приняли на себя необременительные обязательства. Насколько ей было известно, они редко спорили, никогда не обнимали друг друга и почти не разговаривали. Их отношения не окрашивала горечь, скорее, безразличие друг к другу.

– Любовь хороша в романах, дорогая, – сказала Лилиан, стараясь изо всех сил казаться циничной. Осторожно приоткрыв дверь, она выглянула в коридор. – Все чисто. Может, нам сбежать через черный ход?

– Пожалуй. А потом давай побежим в западную часть поместья и в лес.

– Зачем в лес?

– Ты помнишь, о чем просила меня Аннабел?

На минуту Лилиан уставилась на нее, не понимая, а потом вытаращила глаза.

– Ради Бога, Дейзи! Не можешь придумать ничего получше, кроме как исполнять дурацкие просьбы?

Младшая бросила на нее проницательный взгляд.

– Просто это пошло бы на пользу лорду Уэстклифу, вот ты и не хочешь.

– Это никому не может пойти на пользу, – с преувеличенным жаром запротестовала Лилиан. – Просто глупость, вот и все.

Дейзи решительно посмотрела на сестру.

– Я хочу найти колодец желаний поместья Стоуни-Кросс, – произнесла она важно, – и сделать то, о чем просила Аннабел. Если хочешь, пойдем вместе, не хочешь – развлекайся сама. И потом... – Тут ее миндалевидные глаза угрожающе сузились. – Ты заставила меня глотать пыль в парфюмерных и аптекарских лавках. Могла бы уже после этого проявить некоторую снисходительность.

– Ладно, – проворчала Лилиан, – я иду с тобой. Без меня тебе его нипочем не найти, ты просто заблудишься в чаще.

Еще раз убедившись, что коридор пуст, она первой двинулась к лестнице, предназначенной для слуг. Сестры крались на цыпочках, не производя ни малейшего шума. Задачу облегчал толстый ковер под ногами, к тому же у них был богатый опыт.

Разумеется, Лилиан не нравился хозяин поместья Стоуни-Кросс-Парк, однако она не могла не признать, что само поместье было просто восхитительным. Здание, исполненное в европейском стиле, изящная крепость, возведенная из камня цвета меда, четыре башни по углам, устремленные ввысь, к небу. Выстроенный на обрывистом берегу над речкой Итчен, дом был окружен террасами, парками и фруктовыми садами. Сады плавно переходили в две сотни акров местности, где парки перемежались с настоящими лесами. Пятнадцать поколений семьи Марсден – лордов Уэстклиф – жили в поместье, о чем с готовностью напомнил бы любой из слуг. Богатство лорда Уэстклифа не исчерпывалось одним лишь поместьем. Говорили, что под его непосредственным управлением находились почти двести тысяч акров угодий в Англии и Шотландии. Что касается недвижимости, за ним числились два замка, три помещичьих дома, пять роскошных домов и один многоквартирный домик в городе, а также вилла на Темзе. Несомненно, поместье Стоуни-Кросс-Парк являлось жемчужиной в короне семейства Марсден.

Сестры пробирались крадучись, стараясь держаться поближе к длинной живой изгороди из тиса, чтобы их не смогли увидеть из окон главного дома. Девушки вошли в лес. Лучи солнца пробивались сквозь шатер из переплетенных ветвей старинных дубов и кедров.

Дейзи восторженно раскинула руки и воскликнула:

– Как я люблю это место!

– Здесь можно встретить путников, – ворчливо заметила Лилиан.

Однако в душе она признавала, что в это время ранней осени, когда еще все в цвету, вряд ли можно сыскать во всей Англии более приятный уголок.

Дейзи вскочила на ствол поваленного дерева, отброшенный в сторону от дороги, и двинулась по нему осторожными шагами.

– Ты не думаешь, что стоило бы выйти за лорда Уэстклифа хотя бы для того, чтобы стать хозяйкой Стоуни-Кросс-Парка?

Лилиан приподняла бровь.

– А потом терпеть эти напыщенные речи и по первому требованию исполнять все его указания?

Она скорчила презрительную гримасу.

– Аннабел говорит, что лорд Уэстклиф оказался намного приятнее, чем она предполагала вначале.

– А что еще она может сказать после случившегося месяц назад?

Сестры умолкли, размышляя о драматических событиях недавнего прошлого. Аннабел и ее муж, Саймон Хант, осматривали завод, производящий паровозы. Завод принадлежал им на паях совместно с лордом Уэстклифом. Внезапно взорвался паровой котел. Они бы наверняка погибли, если бы лорд Уэстклиф не успел вытащить их из горящего здания. Конечно, он сильно рисковал, и вполне естественно, что Аннабел теперь считала его героем. Недавно она заявила, что его высокомерие – это очень даже мило. Тогда Лилиан кисло заметила, что подруга, вероятно, слишком наглоталась дыма и никак не придет в себя.

– Мы должны быть благодарны лорду Уэстклифу, – сказала Дейзи, спрыгивая со ствола. – В конце концов, ведь это он спас жизнь Аннабел. К тому же мы никак не можем похвастать обширным кругом друзей.

– Это у него вышло случайно, – проворчала Лилиан. – Думаю, он рисковал жизнью, потому что не хотел терять выгодного делового партнера.

– Лилиан! – Дейзи обернулась и уставилась на сестру с изумлением. – Ты не можешь быть такой неблагодарной, на тебя это не похоже. Подумай только, граф бросился в горящее здание, чтобы спасти нашу подругу и ее мужа. Разве это не производит впечатление?

– Уверена, что лорда Уэстклифа меньше всего заботит, какое впечатление он на меня производит. – Лилиан поморщилась. – Почему он так мне не нравится, Дейзи? Это потому, что я столь же очевидно не нравлюсь ему. Он считает, что во всем превосходит меня – и морально, и по положению в обществе, и по уму. Как бы я хотела когда-нибудь поставить его на место!

Некоторое время они шли молча. Дейзи остановилась, чтобы сорвать фиалки, выросшие в тени большого куста у обочины, потом заметила:

– А ты никогда не пробовала быть с ним любезной? Возможно, ты удивилась бы, увидев, каким милым он стал бы в ответ.

Она пристроила фиалки среди локонов своей высокой прически, а Лилиан с мрачным видом покачала головой:

– Да нет, он бы сказал какую-нибудь колкость, а потом ходил бы с гордым видом, очень довольный собой.

– Мне кажется, ты слишком...

Дейзи оборвала себя на полуслове и застыла, прислушиваясь.

– Я слышу плеск воды. Колодец желаний должен быть где-то рядом.

– О Боже, – сказала Лилиан, невольно улыбнувшись. Она пошла вслед за младшей сестрой, пробираясь по краю мокрого луга. Болотистая местность поросла синими и пурпурными дикими астрами, а также осокой с ее похожими на ершик соцветиями; шелестел жесткими листьями-копьями золотарник, у самой дороги возвышалась густая дернина болотного чистеца с пучками желтых цветков, похожих на солнечные капли. Воздух был напоен ароматами. Лилиан замедлила шаг, делая глубокие вдохи и наслаждаясь лесным бальзамом. Она подошла к колодцу желаний, в котором тихо журчала вода. Колодец представлял собой яму, куда стекали внешние ручьи. Воздух здесь был мягким и влажным.

Еще в начале лета девушки-«желтофиоли» пришли к колодцу желаний, и каждая бросила булавку в его бурлящую глубину. Такова была местная традиция. Тогда Дейзи загадала что-то таинственное для Аннабел, а позже желание ее исполнилось.

– Вот, – сказала Дейзи, извлекая из кармана металлический обломок толщиной с иглу. Его вытащила Аннабел из плеча лорда Уэстклифа. После взрыва на локомотивном заводе металлические осколки летели во все стороны, поражая, словно картечь. Даже Лилиан стало не по себе при виде этой ужасной штуковины.

– Аннабел велела мне бросить это в колодец и пожелать лорду Уэстклифу того же, что я пожелала ей.

– А что ты тогда загадывала? – поинтересовалась Лилиан. – Ты так и не сказала.

Дейзи загадочно улыбнулась.

– Дорогая, ну разве не ясно? Я загадала, чтобы Аннабел вышла замуж за того, кто полюбит ее по-настоящему.

Лириан вздохнула, подумав о замужестве Аннабел: «Должно быть, колодец действительно помог. Аннабел и ее муж были искренне преданы друг другу». Ласково взглянув на сестру, она сдалась и отошла назад, чтобы понаблюдать за церемонией.

– Лириан, – запротестовала Дейзи, – ты должна стоять рядом со мной. Дух колодца будет гораздо благосклоннее к нашей просьбе, если мы обе встанем здесь и попросим.

Лириан тихо засмеялась.

– Неужели ты веришь, что есть какой-то дух колодца? Когда это ты успела стать столь суеверной?

– И это говорит та, что купила флакончик волшебных духов?

– И совсем не потому, что они волшебные. Просто мне понравилось, как они пахнут.

– Лириан, – сказала Дейзи со смешком, – а если предположить, что волшебство все-таки существует? Что здесь плохого? Неужели мы так и проживем жизнь, не допуская возможности чего-то чудесного? Да ни за что! Ну же, давай загадаем лорду Уэстклифу! Это самое малое, что мы можем для него сделать в благодарность за то, что он вытащил из огня нашу дорогую Аннабел.

– Хорошо, я встану рядом только для того, чтобы ты не свалилась в воду.

Подойдя к сестре, Лириан обхватила ее за тонкие плечи и уставилась в мутную, журчащую воду.

Дейзи крепко зажмурилась и сжала в ладонях осколок железа.

– Я изо всех сил желаю, – шепнула она, – а ты, Лириан?

Лириан пробормотала:

– Да...

На самом деле ей не верилось, что лорд Уэстклиф найдет свою единственную любовь. Воображение подсказывало: «Пусть лорд Уэстклиф встретит женщину, которая сумеет поставить его на колени!» Губы Лириан искривились в довольной улыбке, и в этот момент Дейзи бросила осколок в колодец, в его таинственную бесконечную глубину. Она отряхнула руки и удовлетворенно вздохнула:

– Вот так, дело сделано. Просто не терпится увидеть, кто же станет избранницей лорда?

– Боже, помоги этой бедняжке, – отозвалась Лириан, – кто бы она ни была!

Дейзи кивком указала в сторону дома.

– Возвращаемся?

Разговор быстро перешел на обсуждение весьма животрепещущих тем. Сестрам Боумен был необходим покровитель, который бы ввел их в высшие круги британского общества. И не просто покровитель, а фигура могущественная, влиятельная, пользующаяся непререкаемым авторитетом, принятая в домах знати. Аннабел предположила, что лучшей кандидатуры, чем графиня Уэстклиф, мать лорда Уэстклифа, им не найти.

Графиня, по-видимому, была большой поклонницей заграничных путешествий, увидеться с ней было нелегко. Даже находясь дома, в поместье Стоуни-Кросс, она предпочитала не смешиваться с толпой гостей, явно осуждая манеру сына общаться с промышленниками низкого происхождения. Ни одной из сестер Боумен не доводилось еще встречаться с графиней, хотя они были о ней наслышаны. Если верить слухам, графиня, эта сварливая старая дракониха, презирала иностранцев, а особенно американцев.

Дейзи сказала:

– Ума не приложу, с чего Аннабел решила, что у нас есть шанс заполучить ее в покровительницы?

Носком туфли она подбрасывала камушек. Сестры шли по лесной дороге.

– По своей воле она этого не делает ни за что!

– Сделает, если Уэстклиф ей скажет, – ответила Лилиан.

Она подобрала длинную палку и стала размахивать ею на ходу.

– Кажется, ее можно заставить, если привлечь к делу Уэстклифа. Аннабел сказала, что графиня не одобряла брак леди Оливии и мистера Шоу, не собиралась и присутствовать на свадьбе. Уэстклиф знал, что это будет больно и обидно для сестры. Он как-то заставил мать остаться. Более того, он заставил ее быть любезной!

– Неужели?

Дейзи уставилась на нее с любопытством.

– Интересно, как ему удалось?

– Он ведь хозяин дома. У нас в Америке домом управляет женщина, но в Англии все крутится вокруг мужчины.

– Не очень-то мне это по душе.

– Я знаю.

Лилиан помолчала, а потом мрачно продолжила:

– По словам Аннабел, в Англии нужно испрашивать одобрение мужа на все: на меню, расстановку мебели, цвет гардин...

– Неужели мистер Хант вникает в подобные вещи? – поразилась Дейзи.

– Нет, но он и не лорд, он – деловой человек. Его интересуют производственные вопросы, на глупости у него просто нет времени. А вот у лордов полно свободного времени. Они контролируют любую мелочь!

Оставив камушек в покое, Дейзи задумчиво разглядывала сестру.

– Я часто думаю, зачем нам обязательно нужно выходить замуж за лордов? Жить в огромном полуразвалившемся доме, есть отвратительную английскую еду? Пытаться раздавать указания куче слуг, которые тебя ни во что не ставят...

– Потому что так хочет мама, – сухо ответила Лилиан. – И потом... в Нью-Йорке никто на нас не женится.

Грустно, но факт. В снобистском обществе Нью-Йорка недавно разбогатевший мужчина с легкостью находил выгодную партию, однако девушки с хорошим приданым, но скромного происхождения рисковали остаться в одиночестве. Их обходили и женихи голубых кровей, и нувориши, жаждущие с помощью брака подняться по социальной лестнице. Им только и оставалось, что искать мужа в Европе, где обедневшим наследникам старинных родов требовались богатые жены.

Дейзи скривила губы в насмешке.

– А если и тут никого не найдется?

– Тогда мы превратимся в парочку злобных старых дев, болтающихся туда-сюда по всей Европе.

Дейзи рассмеялась и перебросила длинную косу за спину. Молодым девушкам их возраста было неприлично разгуливать без шляпы, да еще со свободно свисающими волосами. Темные волосы у сестер были так густы, что нелегко было уложить их тяжелую массу в затейливую модную прическу. Лилиан отличалась очень чувствительной кожей. Ее голову просто жгло после сложной процедуры скручивания, укладки и закалывания волос, если предстояло отправиться на официальный прием. Девушка явно завидовала Аннабел Хант, обладательнице легких шелковистых прядей. Волосы Лилиан, схваченные лентой на затылке, свободно рассыпались по спине. Такой фасон был бы совершенно недопустим в обществе.

Дейзи спросила:

– И как нам убедить Уэстклифа, чтобы он заставил мать взять нас под свое крыло? Очень сомнительно, что он согласится на такое.

Размахнувшись, Лилиан запустила палкой далеко в чащу леса, отряхнув ладони от прилипших кусочков коры.

– Понятия не имею, – призналась она. – Аннабел уже сколько раз пыталась уговорить мистера Ханта, чтобы он замолвил за нас словечко лорду, но тот отказывается, говорит, что это оскорбило бы их дружбу.

– Если бы мы могли как-то вынудить Уэстклифа, – размышляла вслух Дейзи. – Обман, шантаж, что-нибудь в таком роде!

– Мужчину можно шантажировать, только если он сделает что-то постыдное, что хотел бы скрыть. Я сомневаюсь, что надутый, занудный старина Уэстклиф способен был хоть раз в жизни совершить поступок, достойный шантажа.

Дейзи захихикала. Ее рассмешило описание, данное сестрой лорду.

– И вовсе он не надутый и не занудный. И уж тем более не старый.

– Мама говорит, ему почти тридцать пять. Я бы сказала, это почтенный возраст.

– Да, но он в такой форме! Мало кто из двадцатилетних сравнится с лордом Уэстклифом.

Каждый раз, когда речь заходила о лорде Уэстклифе, Лилиан чувствовала, что в ней закипает злость. Что-то похожее она ощущала, когда в детстве братья отнимали у нее куклу и перебрасывали друг другу, а она металась между ними туда-сюда, плача и умоляя вернуть любимую игрушку. Она не знала, почему любое упоминание о графе ее так уязвляло. Она раздраженно передернула плечами.

Вдруг они услышали счастливые вопли и радостные крики. Похоже, где-то рядом играли дети. Лилиан взглянула в сторону конюшен:

– Что там такое?

– Не знаю, кажется, кто-то веселится. Посмотрим?

– У нас мало времени, – напомнила Лилиан. – Если мама обнаружит, что нас нет...

– Мы быстро. Ну пожалуйста, Лилиан!

Пока они раздумывали, со стороны конного двора послышались новые взрывы хохота. Они казались еще громче на фоне окружающего спокойного пейзажа. Любопытство победило. Лилиан скорчила сестре гримасу.

– Давай наперегонки!

И пустилась бежать со всех ног. Дейзи подхватила юбки и бросилась вслед. Ноги у нее были короче, чем у Лилиан, но она была легкая и воздушная, словно эльф. Ей почти удалось догнать сестру, когда они подбежали к конюшням. Пятеро мальчишек, лет от двенадцати до шестнадцати, играли на небольшом поле за оградой. Судя по одежде, это были мальчишки-конюшие. Они сбросили башмаки у входа и бегали по полю босиком.

– Видишь? – радостно спросила Дейзи.

Присмотревшись, Лилиан увидела, что один из мальчишек размахивает ивовой палкой, и рассмеялась:

– Они играют в лапту!

Эта игра, в которой использовались бита, мяч и четыре «убежища», расположенные по углам ромба, пользовалась особой популярностью и в Англии, и в Америке. В Нью-Йорке же увлечение лаптой приняло форму помешательства. В нее играли мальчики и девочки всех сословий. Лилиан с тоской вспомнила, сколько пикников заканчивалось прекрасным вечером, проведенным за игрой в лапту. А в это время мальчики толпились возле игровой площадки. Колья, обозначающие границы «убежищ», были вкопаны глубоко в землю, площадки между ними утопаны в полосы голой земли. Лилиан сразу узнала мальчишку, одолжившего «желто-фиолям» два месяца назад биты для той злополучной игры.

Дейзи спросила с надеждой в голосе:

– Думаешь, они пустят нас поиграть? На пару минут?

– Почему бы и нет? Вон тот рыжий одалживал нам биты. Кажется, его зовут Артур.

В этот момент мяч звонко шлепнулся о плоскую сторону биты и полетел прямо к девушкам. В Нью-Йорке такой удар называли бы «перелет». Лилиан поймала мяч голыми руками и

вернула его на поле, бросив мальчишке. Тот инстинктивно поймал мяч, удивленно глядя на нее. Увидев двух девушек, все игроки застыли в нерешительности.

Лилиан шагнула вперед, отыскивая глазами рыжеволосого мальчика.

– Артур? Помнишь меня? Я была здесь в июне. Ты еще одолжил мне биту.

Лицо мальчика просияло.

– Так это вы, мисс... мисс...

– Боумен. А это моя сестра. – Лилиан небрежно махнула рукой в сторону Дейзи. – Мы только хотели вас спросить... пустите нас поиграть? На пару минут?

Мальчишки ошарашенно молчали. «По-видимому, – подумала Лилиан, – одолжить биту – это одно, а принять в игру с другими мальчишками из конюшни – совсем другое».

– Мы не так уж плохо играем, правда, – сказала она. – Мы много играли в Нью-Йорке. Так что если вы боитесь, что мы испортим вам игру своей неповоротливостью...

– Дело не в этом, мисс Боумен, – возразил Артур, и его лицо стало почти такого же цвета, что и огненные волосы. Он неуверенно обвел взглядом товарищей, а потом снова повернулся к ней: – Дело не в этом, леди. Вы ведь не можете... мы ведь слуги, мисс.

Лилиан возразила:

– Сейчас у вас перерыв, не так ли?

Мальчишки осторожно закивали.

– Ну так у нас тоже перерыв, – сказала Лилиан. – А это всего лишь глупая игра в лапту. Пожалуйста, пустите нас поиграть. Мы никому не скажем!

– Покажи им парочку ударов, – прошептала Дейзи уголком рта. – Например, «осу».

Вглядываясь в непроницаемые лица ребят, Лилиан с важным видом объяснила:

– Я умею подавать всякие подачи – быстрые, низкие. Неужели вам не интересно посмотреть, как подают американки?

Она, конечно же, видела, что ребята заинтригованы. Артур неуверенно сказал:

– Мисс Боумен, если кто-нибудь увидит, как вы играете с нами на конном дворе, нас накажут.

– Обещаю, что нет, – сказала Лилиан. – Если кто-нибудь нас поймает, мы возьмем все на себя. Я скажу, что мы вас заставили.

Было видно, что ребята им не верят, но Лилиан и Дейзи продолжали их упраскивать, пока не добились своего. Их взяли в игру.

Завладев потертым кожаным мячом, Лилиан медленно согнула и разогнула руку, щелкнув костяшками пальцев, и повернулась лицом к отбивающему. Сделав упор на левую ногу, она шагнула вперед и бросила мяч. Это была быстрая, хорошая подача. Мяч чмокнул, попав в руки ловца, а отбивающий промазал. Ребята одобрительно свистнули.

– Неплохо для девчонки, – похвалил ее Артур. Лилиан польщенно улыбнулась. – А теперь, мисс, если вы не против, что это за «оса», про которую вы тут толковали?

Поймав мяч, Лилиан снова встала лицом к отбивающему. Отведя назад руку, она сделала резкий бросок, заставив мяч крутиться вдоль своей оси. Влетев в ворота, мяч резко развернулся внутрь, и отбивающий опять промазал. Но даже ему понравилась подача. На следующий раз он уже смог достать мяч и послать его в западную часть поля, где Дейзи радостно бросилась его ловить.

Через несколько минут игра захватила всех настолько, что игроки забыли об осторожности и перестали сдерживать себя. Броски, пробежки и удары – все в полную силу. Лилиан носилась вместе с мальчишками, кричала и смеялась, как будто вновь вернулась в беспечные дни детства. Как здорово было хоть ненадолго забыть бесчисленные церемонии и правила приличия, сковывающие по рукам и ногам! С тех пор как они ступили на землю Англии, им казалось, что уже не вздохнуть свободно. А день был такой чудесный! Солнце яркое, слепящее, точно в Нью-Йорке. Свежий и мягкий воздух заполнял легкие.

– Ваша очередь отбивать, мисс, – сказал Артур, вскинув руку, чтобы она бросила ему мяч. – Посмотрим, так ли вы хорошо отбиваете, как подаете!

– У нее не получится, – быстро сказала ему Дейзи, а Лилиан сделала малоприличный жест рукой, и мальчишки взвыли от восторга.

К сожалению, это была правда: Лилиан мастерски подавала, но искусством отбивания мяча так и не овладела. Лилиан снова размахнулась, прищутив глаза и раскачиваясь из стороны в сторону. К ее разочарованию, она задела мяч концом биты, и он пролетел над головой ловца. Мальчишки хотели броситься вдогонку, но тут чья-то рука – Лилиан не видела чья – швырнула мяч обратно подающему. Лилиан с изумлением увидела, как лицо Артура медленно приобретает мертвенно-бледный оттенок, неестественно бледный на фоне огненно-рыжей шевелюры. Что же его так напугало? Лилиан обернулась. У ловца, кажется, тоже перехватило дыхание, когда тот увидел, кто именно стоит у них за спиной.

А там, небрежно прислонившись к ограде паддока, стоял Маркус, лорд Уэстклиф, собственной персоной.

Глава 3

Пробормотав про себя ругательство, Лилиан уставилась на Уэстклифа. Тот, в свою очередь, приподнял бровь, скорчив ироничную гримасу. На нем была твидовая куртка для верховой езды, а расстегнутый у горла ворот рубашки обнажал загорелую кожу и красивую сильную шею. Раньше Лилиан видела его исключительно и безупречно одетым, с аккуратной прической, сейчас же его густые черные волосы были взлохмачены, к тому же ему не мешало бы и побриться. Как странно! Лилиан почему-то было приятно видеть его таким. Внутри пробежал холодок. Она почувствовала слабость в коленях, а такого с ней раньше не случалось.

Конечно, он был ей несимпатичен, однако она не могла не признать, что Уэстклиф – очень привлекательный мужчина. Может быть, черты его лица грешили кое-где грубоватостью или резкостью, но в целом его можно было назвать красивым. Лишь немногие мужчины могли бы похвастать такой врожденной притягательностью, идущей из глубины души. Это был не просто человек, наделенный властью, – это был прирожденный вожак. Никем иным он и не мог быть. Лилиан принадлежала к тому сорту девушек, что не преминули бы запустить яйцом в любого, кто пытался бы им указывать. Уэстклиф представлял собой очень соблазнительную мишень. Девушка была очень довольна собой, когда ей удавалось разозлить его так, что он терял самообладание. Пожалуй, это были самые счастливые моменты ее жизни.

Уэстклиф задержал свой взгляд на взлохмаченных волосах гостьи, оценивающе скользнув по фигуре, не стянутой корсетом. Не пропустил он округлые очертания ее груди, вероятно, решив при всех раздеть ее взглядом за то, что осмелилась играть в лапту с мальчиками. Лилиан тоже уставилась на него оценивающе, напустив на себя презрительный вид. А это было нелегко, ведь при виде его стройной атлетической фигуры она вновь почувствовала странную дрожь где-то в желудке. Дейзи была права: по части мужской привлекательности лорд Уэстклиф мог дать фору любому сопернику и помоложе.

Не сводя с Лилиан глаз, Уэстклиф небрежным движением оттолкнулся от изгороди и медленно двинулся к ней.

Лилиан уже приготовилась дать отпор, ведь она была довольно высока для женщины, почти одного с ним роста. И все-таки Уэстклиф был явно сильнее. Лилиан напряженно смотрела в его глаза, которые заворожили ее своим шоколадным оттенком.

У него был довольно низкий голос, перекатывающийся, как завернутый в бархат гравий.

– Вам нужно развернуть локти к себе.

Лилиан была застигнута врасплох. Она ведь думала, что ее станут ругать.

– Что?

Граф лишь слегка прикрыл густыми ресницами глаза, бросив быстрый взгляд на битую, которую она сжимала в правой руке.

– Прижмите локти. Вы сможете ударить точнее, если не будете так сильно замахиваться.

Лилиан скривилась:

– Есть ли что-нибудь, в чем вы не разбираетесь?

Темные глаза графа блеснули. Он явно развеселился. Казалось, он тщательно обдумывает ее вопрос.

– Я не умею свистеть. И не очень ловко управляюсь с тростью. Что же касается всего остального...

Граф жестом руки притворно показал, что, мол, «сожалею, во всем остальном я просто совершенство...».

– Что такое трость? И почему вы говорите, что не умеете свистеть? Все умеют.

Уэстклиф попробовал почти беззвучно свистнуть. Лилиан стояла так близко от него, что почувствовала на лбу его теплое дыхание. Она удивленно зажмурилась, потом засмотрелась на его рот, на раскрытый ворот рубашки. Его бронзовая кожа казалась такой гладкой и теплой.

– Видите? Ничего не получается. Я очень долго пытался научиться.

«Забавно», – подумала Лилиан и уже хотела было посоветовать ему прижать кончик языка к нижним зубам, но ей стало как-то неловко, просто невозможно сказать Уэстклифу про язык. Она чуть не подскочила, когда он взял ее за плечи и развернул лицом к Артуру. Мальчик стоял от них в нескольких ярдах с мячом в руке и смотрел на графа с выражением благоговения.

Но мальчик все-таки опасался сейчас получить нагоняй. Лилиан же робко сказала:

– Артур и другие мальчики... они не виноваты. Это я заставила их играть с нами.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – снисходительно заметил граф. – Вы, вероятно, не оставили ему никакой возможности отказаться.

– Вы их не накажете?

– Они же играли в лапту в свободное время, поэтому вряд ли.

Уэстклиф снял куртку и бросил ее на землю. Потом он повернулся к ловцу, который маячил неподалеку:

– Джим, будь так добр, брось несколько мячей.

– Да, милорд!

Мальчик молнией бросился к пустой площадке, встав позади «убежища», а Уэстклиф оказался рядом с Лилиан.

– Что вы делаете? – спросила она.

– Учю вас делать правильный замах, – спокойно ответил он. – Поднимите биту, мисс Боумен.

Она повернулась и скептически глянула на графа. Тот улыбнулся, его глаза даже заблестели. Он принял вызов.

– Это должно быть интересно, – сказала Лилиан.

Она взглянула на Дейзи, стоящую на другом конце поля. Сестра вся покраснела, едва удерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Мой замах просто идеален, – проворчала Лилиан, чувствуя, что граф стоит прямо позади нее.

Ей стало не по себе. Глаза широко раскрылись, когда граф руками неожиданно соскользнул с ее плеч к локтям, прижав их к телу. Хрипловатый голос графа щекотал уши. Казалось, нервы ее на пределе. Лилиан чувствовала, что все ее тело пылает.

– Ноги шире, – скомандовал Уэстклиф. – Равный упор на обе ноги. Вот так. Руки поближе к телу. Бита на пару дюймов длинновата для вас, поэтому вам придется взять ее чуть повыше.

– Я привыкла держать ее у основания.

– Бита для вас слишком длинновата, – заметил он. – Поэтому-то вы отдергиваете ее раньше, чем успеете ударить по мячу.

– А мне нравятся длинные биты, – не сдавалась Лилиан. Граф тем временем помогал ей лучше обхватить ивовую ручку биты. – Между прочим, чем длиннее, тем лучше.

Один из мальчишек вдруг захихикал. Она подозрительно посмотрела сначала на него, потом на Уэстклифа. Его глаза смеялись, но лицо хранило бесстрастное выражение. Она спросила:

– Что тут смешного?

– Понятия не имею, – пробормотал Уэстклиф и указал ей на подающего. – Помните о локтях. Хорошо. Теперь держите запястья прямо, не поворачивая. Замахнитесь! Нет, не так.

Стоя позади нее, он накрыл ее руки своими, направляя движения и помогая сделать медленный замах. Лилиан оцепенела. Мужские губы почти касались ее уха.

– Чувствуете разницу? По-моему, так проще.

Сердце Лилиан отбивало бешеный ритм, кровь неслась по венам так, что кружилась голова. Никогда еще она не чувствовала себя так неловко. Девушка ощущала присутствие сильного мужского тела прямо за своей спиной. Его крепкие бедра тонули в складках ее легкого прогулочного платья, а широкие ладони почти обнимали. Она с удивлением заметила мозоли на его пальцах.

– Еще раз, – продолжал Уэстклиф, сжав ладонями ее пальцы. Теперь их руки тесно соприкасались, и она вдруг почувствовала, какие сильные у него мышцы. Внезапно Лилиан стало страшно. Ей казалось, что она задыхается. Лилиан сделала один короткий судорожный вдох, другой, а потом поняла, что он отпустил ее.

Уэстклиф отошел назад и внимательно посмотрел на нее, нахмурив лоб. Конечно, Лилиан не могла различить зрачки на фоне его черных глаз, но она могла поклясться, что они были расширены, словно под воздействием какого-то сильного лекарства. Казалось, граф хотел ее о чем-то спросить, но лишь кивнул, сделав знак, чтобы она снова приготовилась отбивать мяч. Сам же встал на место ловца и сел на корточки. Затем крикнул Артуру:

– Начнем с простых подач.

Мальчик кивнул. Казалось, он уже позабыл о том, что его могут наказать.

– Да, милорд.

Артур размахнулся и бросил мяч. Получилась медленная прямая подача. Лилиан крепче сжала биту, собралась с духом, размахнулась и вильнула бедрами, чтобы удар вышел посильней. К ее разочарованию, она промазала, бросив на графа ехидный взгляд.

– Что ж, ваш совет мне очень помог.

– А локти! – напомнил он ей, бросив мяч Артуру. – Еще раз.

Вздыхнув, Лилиан подняла биту и повернулась лицом к подающему.

Артур отвел руку назад и сделал рывок, бросая мяч.

Лилиан крутанула битой, ворча от усердия. Она вдруг обнаружила, что бита стала значительно послушнее, замах вышел под правильным углом. Она испытала настоящий восторг, услышав звонкий шлепок кожаного мяча о биту. Мяч отлетел высоко в небо, перелетев через голову Артура, и никто из игроков не мог его поймать. Вопя от радости, Лилиан бросилась сломя голову к первому «убежищу», обежала вокруг и кинулась ко второму. Уголком глаза она видела, что Дейзи бежит через поле и хватает мяч, передавая его в ту же секунду ближайшему игроку. Лилиан побежала еще быстрее, ноги как будто не касались земли. Добежав до третьего «убежища», она вдруг заметила, что у последнего «убежища», «замкового камня», стоял Уэстклиф. Он поднял руки, готовясь поймать мяч. Как он мог! Сначала учил ее отбивать подачи, а теперь собрался осалить? И Лилиан закричала:

– Прочь с дороги!

Она неслась к кольям, настроенная во что бы то ни стало прибежать раньше, чем он поймает мяч.

– Я не остановлюсь!

Уэстклиф заверил ее с ухмылкой:

– А я вас останавливаю.

Он встал прямо перед «убежищем» и крикнул подающему:

– Бросай прямо в дом, Артур!

Издав воинственный клич, девушка врезалась в него со всего размаха, сметая его с дороги, толкнув назад в тот самый момент, когда его пальцы сомкнулись вокруг мяча. Граф мог бы удержать равновесие, но предпочел этого не делать, полетев вниз и упав на мягкую землю. Лилиан упала на него сверху, накрыв ворохом юбок. Их окутало облако мелкой бурой пыли. Лежа на его груди, Лилиан приподнялась и посмотрела ему в лицо. Сначала ей показалось, что граф кашляет, но затем стало ясно, что он просто давится от смеха.

– Нечестно! – крикнула она презрительно, глотая ртом воздух и стараясь отдышаться. – Вы не должны были стоять перед «убежищем». Низкий мошенник!

Тяжело дыша и фыркая, Уэстклиф торжественно вручил ей мяч с видом мецената, передающего бесценный экспонат куратору музея. Лилиан взяла мяч и швырнула его подальше.

– Я была уже в «убежище», – значительно проговорила она, тыча пальцем ему в грудь. Ей показалось, что это камень, а не живое тело. – Я была в безопасности, вы... вы слышите?

Подошел Артур и начал веселым голосом:

– По правде, мисс...

– Никогда не спорь с дамами, Артур, – перебил граф, вновь обретая дар речи.

Мальчик фыркнул.

– Да, милорд.

– А разве здесь есть дамы? – весело спросила Дейзи, подойдя к ним. – Лично я не вижу ни одной.

Улыбаясь, граф разглядывал Лилиан. Его волосы растрепались, а зубы казались особенно белыми по сравнению со смуглым лицом. Маска владетельного хозяина исчезла, глаза оживленно блестели, а улыбка оказалась столь заразительной, что Лилиан вдруг почувствовала, как у нее тает сердце. Губы сами собой сложились в робкую улыбку, свободный узел волос совсем распался, а шелковистые пряди падали ему прямо на подбородок.

– Что такое требюше? – спросила она.

– Машина для разбивания стен. У меня есть друг, большой знаток средневекового оружия. Он...

Уэстклиф колебался. Он чувствовал, как все его тело напряглось под весом лежащей на нем девушки.

– Он недавно построил требюше, используя старинные чертежи. Мы с ним как-то решили пострелять...

Лилиан показалось забавным: такой сдержанный в обычной жизни Уэстклиф может увлекаться мальчишескими играми. Вдруг до нее дошло, что она все еще лежит на нем. Лилиан покраснела и начала подниматься.

– И вы промазали? – спросила она, стараясь не выдать голосом своего смущения.

– Хозяин каменной стены, которую мы разнесли в клочья, так бы не сказал.

Девушка поднялась на ноги, а граф, очутившись на свободе, отдышался, но остался сидеть на земле.

«Почему он так странно на меня смотрит?» Лилиан принялась отряхивать пропылившееся платье, но напрасно – платье превратилось в грязную тряпку. Дейзи тоже выглядела грязной и растрепанной, но не в такой степени.

– О Боже, как мы объясним все маме?

– Я попрошу горничную, чтобы она быстренько отнесла наши платья в стирку, и мама не увидит.

– Тогда нам нужно торопиться, – сказала Лилиан, оглядываясь на лорда Уэстклифа, который уже успел надеть куртку и стоял у нее за спиной.

– Милорд, если кто-нибудь спросит, не видели ли вы нас... скажите, что нет, пожалуйста!

– Я никогда не лгу, – сказал он, и Лилиан обреченно вздохнула.

– Не могли бы вы по крайней мере не сообщать ничего, если вас не спросят?

– Пожалуй, мог бы.

– Как вы любезны, – сказала Лилиан притворным тоном, что стало ясно: «любезным» она его вовсе не считает. – Благодарю вас, милорд. А теперь, с вашего позволения, нам пора бежать. Именно бежать.

– Пойдемте, я покажу вам короткий путь, – предложил Уэстклиф. – Это через сад и вход для слуг, мимо кухни.

Переглянувшись, сестры согласно кивнули и поспешили за Уэстклифом, помахав на ходу Артуру и остальным игрокам.

Они шли через сад, залитый солнцем. Стояла ранняя осень. Маркус с раздражением вдруг заметил, как Лилиан пытается идти сбоку, забегая впереди него. Казалось, она никак не могла допустить, чтобы он шел впереди! Маркус исподтишка следил, как двигаются ее ноги под тонкой юбкой муслинового прогулочного платья. Она шагала широко и свободно, что было совсем не похоже на семенящие жеманные движения большинства женщин.

Он шел молча, удивляясь собственному поведению во время игры в лапту. Наблюдая, как Лилиан носится по полю, он, видимо, заразился ее весельем. Сопротивляться было бесполезно. Ее ребяческая энергия, азарт, с которым она отдавалась игре, были под стать его собственным. Отнюдь не каждая молодая леди из общества могла бы позволить себе такую свободу. Леди полагалось быть сдержанными, застенчивыми и скромными. Граф не смог устоять перед Лилиан, он присоединился к игрокам явно помимо своей воли.

Граф смотрел на нее, раскрасневшуюся и восторженную, и в нем начали просыпаться непонятные ощущения. Лилиан похорошела с тех пор, как он видел ее в последний раз. Уэстклифа забавляло ее колючее упрямство, и он не смог устоять перед брошенным ему вызовом. В тот момент, когда он стоял у нее за спиной, направляя ее руку с битой, чувствовал, как ее тело прижимается к нему. В нем вдруг проснулось первобытное желание утащить Лилиан куда-нибудь в укромный уголок, сорвать с нее юбки...

Недовольно фыркнув, он отогнал от себя глупые мысли и снова посмотрел, как она шагает впереди него, вся в грязи, волосы растрепаны... Он вспомнил, как лежал на земле под тяжестью ее тела, хотя она весила совсем ничего. У нее была слишком худощавая фигура, без особых женственных округлостей. Это было не совсем то, что ему нравилось. Но ему почему-то ужасно хотелось обнять ее талию, впиться губами в ее рот...

– Сюда, – сказал он хрипло, протискиваясь мимо Лилиан Боумен и держась поближе к живой изгороди и стене, чтобы их не увидели из окон дома.

Он вел сестер по дорожкам, окаймленным копиями шалфея, вдоль старинных стен, полускрытых зарослями красных роз и сверкающими шапками гортензий, мимо каменных ваз с пышно разросшимися белыми фиалками.

– Вы уверены, что это короткий путь? – спросила Лилиан. – Мне кажется, мы бы давно были у себя, если б пошли обычной дорогой.

Маркус не привык, чтобы его решения подвергали сомнению. Он холодно посмотрел на идущую рядом девушку.

– Я лучше вас знаю дорогу в собственном поместье, мисс Боумен.

– Не сердитесь на мою сестру, лорд Уэстклиф, – сказала идущая позади Дейзи. – Просто она боится, как бы нас не застучали. Мы ведь должны были лечь спать, знаете ли. Мама посадила нас под замок, а мы...

– Дейзи, – оборвала сестру Лилиан, – графу совсем неинтересно про это слушать.

– Напротив, – отозвался Маркус, – мне очень интересно было бы узнать, как вам удалось выбраться из заключения. Через окно?

– Нет, я расковыряла замок, – объяснила Лилиан.

Приняв это к сведению, Маркус ехидно поинтересовался:

– Вас этому учили в школе?

– Мы не ходили в школу, – ответила Лилиан. – Я сама научилась пользоваться отмычкой. С самого детства умела открыть любую запертую на замок дверь.

– Удивительно.

– Наверное, вы ни разу не делали ничего такого, что заслуживало бы наказания, – сказала Лилиан.

– Действительно, я был дисциплинированным ребенком. Меня редко сажали под замок. Мой отец предпочитал более действенную меру наказания за детские проступки – порку.

– Он был чудовищем! – заявила Лилиан, а Дейзи возмущенно сказала:

– Лилиан, ты не должна плохо отзываться о покойных. Кажется, графу не нравится, что ты называешь его отца чудовищем.

– Он действительно был чудовищем, – резко сказал Маркус.

Они подошли к проему в живой изгороди, где вдоль стены дома шла дорожка из каменных плит. Приложив палец к губам, чтобы девушки замолчали, Маркус проследил взглядом пустую дорожку, пропустил Лилиан и Дейзи вперед. Их укрыл высокий узкий можжевельник:

– Там черный ход. Мы пройдем через кухню, потом по лестнице на второй этаж. Я покажу вам коридор, который ведет к вашей комнате.

Девушки смотрели на него, радостно улыбаясь. Они были так похожи, но все-таки разные. У Дейзи были более округлые щеки, хорошенькое личико, как у старинной фарфоровой куколки, не совсем гармонирующее с темно-кариими глазами. Лицо Лилиан было скорее овальное, слегка кошачье, уголки глаз приподняты к вискам, полные сочные губы, при взгляде на которые у него опять глухо застучало сердце.

Граф не мог отвести взгляда от ее губ. Лилиан сказала:

– Благодарю вас, милорд. Надеюсь, мы можем положиться на ваше молчание. Вы ведь не расскажете, что мы играли в лапту?

Если бы Маркус обладал другим складом характера или испытывал хотя бы малейший романтический интерес к кому-нибудь из сестер, он мог бы использовать эту ситуацию. Небольшой шантаж или что-то в этом роде... Но он просто сказал:

– Да, я буду молчать.

Он еще раз взглянул, не идет ли кто по каменной дорожке, и все трое покинули укрытие. К несчастью, в этот момент послышался шум голосов. Кто-то приближался.

Дейзи пустилась бежать, как испуганный олень, а Лилиан, напротив, предпочла спрятаться за можжевельником. У Маркуса не оставалось времени на раздумья. Он бросился за Лилиан. Едва они успели спрятаться в узком пространстве между колючими ветками и живой изгородью, как на дальнем конце дорожки возникла группа из трех или четырех человек. Маркусу вдруг стало смешно: «Прятаться от гостей в собственном поместье!» С другой стороны, он был весь в грязи и пыли, а появляться в обществе в таком виде ему совсем не хотелось. Размышляя, он вдруг почувствовал, что Лилиан хватает его за ворот куртки, увлекая в тень. Они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Вначале ему показалось, что Лилиан дрожала от страха. Неожиданно для себя самого он обнял ее, пытаясь защитить, но тотчас же понял, что она просто-напросто тихо смеется. Ей пришлось даже прижаться к его плечу, чтобы смех не вырвался наружу.

Озадаченно улыбаясь, Маркус убрал прядь темно-шоколадных волос с ее лица, потом осторожно выглянул из благоухающих можжевельных ветвей. Мужчины не торопясь шли по дорожке, обсуждая деловые вопросы. Маркус сразу же узнал их. Он втянул голову назад и прошептал Лилиан на ухо:

– Тихо, там ваш отец.

Она широко раскрыла глаза и инстинктивным движением ухватила за отвороты его куртки. Теперь ей было не до смеха.

– О нет! Не выдавайте меня! Он расскажет маме...

Маркус ободряюще кивнул и обнял ее. Его губы почти касались виска девушки.

– Нас не увидят. Сейчас они уйдут, и я провожу вас до дверей кухни.

Лилиан сидела тихо как мышь, внимательно глядя в просвет между ветвями. Казалось, она не замечала, что сидит, прижавшись к лорду Уэстклифу. Со стороны это выглядело так, что они обнимаются. Держа Лилиан в объятиях, Маркус вдруг заметил тонкий аромат, какую-

то незнакомую цветочную увертюру. Что-то подобное он смутно ощущал и во время игры. Сейчас запах кружил его голову, кровь закипала. Рот наполнился слюной. Ему вдруг захотелось лизнуть эту нежную белую кожу, сорвать с Лилиан платье и провести губами по всему ее телу.

Обнимая хрупкую фигурку, он инстинктивно потянулся к ее бедру, чтобы мягко, но решительно притянуть девушку поближе. Он чувствовал, как растет возбуждение, зажигая огонь в пульсирующих венах. Было бы так легко сорвать с нее платье, раздвинуть ноги и овладеть ею прямо здесь. Он хотел бы делать это изошренно, во всех мыслимых положениях, проникнуть в нее и так, и вот так. Под тонкой тканью платья он чувствовал очертания ее тела, не скованного корсетом. Лилиан оцепенела, когда его губы коснулись ее шеи. Она изумленно пошептала:

– Что... что вы делаете?

По другую сторону живой изгороди четверо мужчин остановились. Они оживленно спорили о ценных бумагах, но Маркуса в данный момент занимали совсем другие ценности. Облизнув пересохшие губы, он отстранился и посмотрел в лицо Лилиан. Она выглядела смущенной.

– Простите, – выдохнул он, стараясь взять себя в руки. – Этот запах... что это?

– Запах? – Теперь она окончательно была сбита с толку. – Вы имеете в виду мои духи?

Маркус не слышал. Не отрываясь, он смотрел на ее рот. Нежные розовые губы, казалось, обещали неизведанное блаженство. Ее аромат продолжал обволакивать, постепенно проникая в самую глубь его тела, волнуя и воспаляя. Сердце билось все быстрее, по телу прошла жаркая волна. Мысли путались. Он не мог унять дрожь в руках. Закрыв глаза, граф попытался отвернуться от ее лица, но не смог, а принялся теперь жадно обнюхивать ее шею. Лилиан слегка толкнула его и сказала резким шепотом ему на ухо:

– Что с вами такое?

Маркус беспомощно покачал головой.

– Простите, – выдохнул он, прекрасно сознавая при этом, что последует дальше. – Бог мой, простите...

И он принялся целовать ее так, словно от этого зависела его жизнь.

Глава 4

Впервые в жизни мужчина целовал ее, не спросив на то позволения. Лилиан принялась извиваться и вырываться, но Уэстклиф только плотнее прижал ее к себе. От него пахло пылью, лошаадьми и солнцем... и еще чем-то... сладкий сухой аромат, напоминающий запах свежескошенного сена. Он целовал ее все сильнее, заставив раскрыть губы. Она раньше и представить не могла, что поцелуй может быть таким – глубоким, нежным и нетерпеливым. Лилиан закрыла глаза. Она все больше слабела под его напором. Ей даже пришлось откинуться назад, на его сильную грудь. Уэстклиф не преминул воспользоваться ее слабостью и привлек девушку еще ближе... и еще. Она вдруг почувствовала между ног его сильное бедро.

Кончиком языка он прошелся по краю зубов, проникая все дальше и дальше в нежные глубины ее рта. Потрясенная, Лилиан пыталась отодвинуться, но он не отпускал ее, обняв ладонями голову. Она не знала, что делать с собственным языком, неловко пытаясь оттянуть его назад, но это лишь раззадорило Уэстклифа. Он ласкал, дразнил, не давал покоя, пока из ее горла не вырвался хриплый стон. Тогда она яростно оттолкнула его.

Граф оторвался от ее губ. Лилиан пыталась отдышаться, боясь в то же время пошевелиться. Вдруг заметят отец и его спутники? Она все еще видела их темные силуэты в обрамлении густых зеленых можжевельных ветвей. Мужчины двинулись по дорожке, даже не заметив обнимающуюся пару. Лилиан облегченно вздохнула, слегка поежившись. Ее сердце глухо забилося, когда она поняла, что губы Уэстклифа снова ласкают ее, заставляя дрожать от возбуждения. Она беспомощно прильнула к нему, чувствуя, как от прикосновения его бедра в ней разливается сверкающая жаркая волна.

– Милорд, – прошептала она, – вы сошли с ума?

– Да, да...

Его губы были как бархат. Еще один глубокий, сводящий с ума поцелуй...

– Дай губы... твой язык... да, да! Такие сладкие... очень сладкие...

Теперь его поцелуи стали горячими и нетерпеливыми, его жаркое дыхание обжигало кожу, небритая щетина щекотала подбородок.

– Милорд, – опять шепнула Лилиан, с трудом оторвавшись от его поцелуя, – ради всего святого – отпустите!

– Да-да, простите, только еще один поцелуй...

Он снова прильнул к ее губам. Лилиан толкнула его изо всех сил, но его грудь была тверда как гранит.

– Пустите, болван!

Яростно извиваясь, Лилиан сумела наконец-то освободиться. Даже сейчас, когда граф больше не обнимал ее, она чувствовала во всем теле восхитительную дрожь.

Какое-то время они смотрели друг на друга. Лилиан видела, как меняется его охваченное страстью лицо, приобретая обычное выражение. Темные глаза графа широко раскрылись, и до него вдруг дошел смысл произошедшего.

– Боже правый! – прошептал он.

Лилиан совсем не нравилось, что он на нее смотрел как человек, оцепеневший под смертельным взглядом Медузы.

– Я сама найду дорогу в свою комнату, – коротко сказала она, скорчив презрительную гримасу. – И не пытайтесь идти за мной. Вы достаточно помогли мне сегодня.

Отвернувшись, она побежала по каменным плитам дорожки, а он стоял и смотрел ей вслед, не в силах прийти в себя от изумления.

По счастливой случайности или по воле небес Лилиан добралась до своей комнаты раньше, чем матушка пришла будить дочерей от послеобеденного сна. Скользнув в приоткры-

тую дверь, девушка торопливо принялась расстегивать пуговицы платья. Дейзи, успевшая к тому времени раздеться до нижнего белья, бросилась к двери и вытащила согнутую шпильку из замка, освобождая защелку. Замок щелкнул, дверь снова была закрыта.

– Почему ты так долго? – спросила Дейзи. – Надеюсь, ты не сердишься, что я не стала тебя дожидаться? Я подумала, лучше вернуться как можно скорее и привести себя в порядок.

– Я не сержусь, – рассеянно сказала Лилиан, перешагивая через сброшенное платье. Она сунула грязную одежду под гардероб, подальше от посторонних глаз. Услышав щелчок закрываемой двери, Лилиан бросилась к умывальнику, спустила грязную воду и налила в таз чистой воды. Быстро отмыла лицо и руки, схватила чистое полотенце.

В замке повернули ключ. Девушки тревожно переглянулись и бросились к своим постелям. Им удалось притвориться спящими буквально в ту же минуту, когда мать входила в комнату. К счастью, занавеси были плотно задернуты. В полумраке Мерседес не заметила ни малейшей улики.

– Девочки, – сказала она подозрительно, – пора вставать.

Дейзи потянулась и сонно зевнула.

– Ммм... хорошо поспали. Я так славно отдохнула!

– И я, – пробормотала Лилиан, зарывшись головой в подушки. Она слышала, как глухо бьется ее сердце, отдаваясь эхом на твердом матрасе.

– Теперь вам надо выкупаться и надеть вечерние наряды. Я позвоню, чтобы горничная принесла ванну. Дейзи, ты наденешь желтое шелковое, а ты, Лилиан, зеленое, с золотыми пряжками на плечах.

– Да, мама, – сказали девушки хором.

Мерседес вернулась к себе, в соседнюю комнату. Как только за ней закрылась дверь, Дейзи села на постели и посмотрела на Лилиан с любопытством.

– Ну! И почему же ты так долго не возвращалась?

Лилиан перекатилась на спину и уставилась в потолок, обдумывая случившееся в саду. Ей с трудом верилось, что Уэстклиф мог себя так вести. Какая-то бессмыслица! Ведь он всегда относился к ней подчеркнуто неодобрительно. В поведении графа не было и намека на то, что она ему нравится. Если подумать, сегодня в первый раз за все время они были любезны друг с другом.

– Нам с Уэстклифом пришлось переждать в кустах, чтобы нас не увидели, – услышала Лилиан собственный голос. – Там на дорожке был папа с какими-то людьми.

– О Боже! – Дейзи перекатилась на бок и посмотрела на сестру, состроив ужасную гримасу. – Надеюсь, папа вас не увидел?

– Нет.

– Какое счастье!

Дейзи слегка нахмурилась. Она чувствовала, что сестра многое недоговаривает.

– Было очень благородно со стороны лорда Уэстклифа не выдавать нас, правда?

– Благородно, да.

Дейзи вдруг ехидно улыбнулась.

– Ну и потеха была, когда он показывал тебе, как принимать мяч! Я была просто уверена, что ты сейчас треснешь его битой. Не припомню ничего смешнее.

– У меня мелькнула такая же мысль, – мрачно призналась Лилиан. Она поднялась с постели и пошла к окну, чтобы раздвинуть занавески, рванула в стороны тяжелые складки камчатной ткани, и комнату залил яркий свет полдневного солнца.

– Ты не думаешь, что Уэстклиф ищет малейший предлог, чтобы показать нам свое превосходство?

– Разве? По-моему, он искал предлог, чтобы обнять тебя за талию.

Замечание сестры неприятно удивило Лилиан. Она подозрительно посмотрела на нее:

– Почему ты так говоришь?

Дейзи пожала плечами.

– Он так на тебя смотрит...

– Как? – спросила Лилиан. Ее вдруг охватил страх, будто тысячи крошечных булавок вонзились в кожу.

– Так. Заинтересованно, пожалуй...

Лилиан скорчила презрительную гримасу, чтобы скрыть замешательство.

– Мы с графом терпеть не можем друг друга, – сухо сказала она. – Единственное, что его может заинтересовать, – это возможность заключить сделку с папой.

Она замолчала и подошла к туалетному столику, где в ярких солнечных лучах сверкал флакончик с духами. Осторожно дотронувшись до хрустальной грушевидной бутылочки, она несколько раз задумчиво потерла большим пальцем о пробку.

– Знаешь, Дейзи, – сказала она с сомнением в голосе, – я должна тебе рассказать одну вещь. Когда мы с Уэстклифом сидели в кустах можжевельника, кое-что случилось.

– Да? – Дейзи загорелась от нетерпения.

Но именно в эту минуту в комнату вошла матушка, а за ней следовали две горничные, которые тащили складную ванну. В присутствии матери, суетившейся вокруг них, Лилиан не могла поговорить с сестрой. Пожалуй, это и к лучшему, ведь Лилиан могла еще раз обдумать случившееся. Она сунула флакончик в ридикюль, с которым собиралась отправиться на ужин. Ей в голову вдруг пришла странная мысль: «Может быть, это аромат духов так повлиял на Уэстклифа? Должно же быть какое-то объяснение... Судя по выражению лица Уэстклифа, он и сам был шокирован, когда понял, что наделал».

Лилиан решила еще раз испытать духи, так сказать, проверить их в деле. Она криво усмехнулась. Подруги наверняка не откажутся помочь ей в проведении опыта.

«Желтофиоли» были знакомы друг с другом уже почти год. Во время балов они всегда одиноко сидели вместе, никем не приглашаемые на танец. Им понадобилось довольно много времени, чтобы завязать дружбу. Может быть, потому, что Аннабел была слишком красива: волосы цвета темного меда, сияющие синие глаза, соблазнительная фигурка. Трудно было себе представить, что это божественное создание снизойдет до дружбы с простыми смертными. С другой стороны, Эванджелина Дженнер отличалась застенчивостью, вдобавок заикалась, так что разговорить ее было невероятно трудно.

Тем не менее, когда окончательно стало ясно, что ни одна из них не способна самостоятельно вырваться из порочного круга, что они так и будут подпираť стену на балах, не говоря уж о том, чтобы выйти замуж, «желтофиоли» объединили усилия. Они стали помогать друг другу, чтобы найти мужей. Первой на очереди была Аннабел. Совместные усилия «желтофиолей» увенчались успехом, ведь Аннабел вышла замуж, хотя Саймон Хант не относился к числу пэров Англии, как было задумано первоначально. Лилиан пришлось признать, что Аннабел, несмотря на некоторые сомнения относительно этой партии, сделала правильный выбор, выйдя за Ханта. Теперь была очередь самой Лилиан. Она шла второй по старшинству.

Приняв ванну, сестры уселись, каждая в своем углу комнаты, а горничные помогали им одеться. Короткие пышные рукава платья Лилиан соединялись с корсетом с помощью золотых пряжек на плечах. Ненавистный корсет укорачивал ее талию на два дюйма, а специальные подушечки увеличивали грудь, делая ее более соблазнительной. Потом ее усадили за туалетный столик, где ей пришлось сидеть, морщась и гримасничая, пока горничная щеткой распутывала волосы, укладывая их в затейливую прическу. Дейзи подвергли той же пытке: шнуровка, подкладки, застежки... Ее облачили в платье цвета сливочного масла с кружевами по вырезу корсажа.

Миссис Боумен хлопотала вокруг них, не умолкая ни на минуту. Она наставляла дочерей, как себя вести.

– Помните, что английским джентльменам не нравится, когда девушка слишком много разговаривает. Их не интересует ваше мнение, поэтому я хочу, чтобы вы обе проявили кротость и болтали как можно меньше. И никакого упоминания о спортивных развлечениях! Возможно, джентльмена позабавит, если вы скажете, что играете в лапту или теннис, но в душе он презирает девушек, которые играют в мужские игры. Если джентльмен спросит о чем-нибудь, сумейте переадресовать этот вопрос ему самому, тогда у него будет возможность высказаться, поведать о собственном опыте...

– Еще один увлекательный вечер в поместье Стоуни-Кросс-Парк, – пробормотала Лилиан, а Дейзи весело фыркнула.

– В чем дело? – сухо спросила Мерседес. – Дейзи, ты слушаешь?

– Да, мама, я едва могу дышать. Кажется, корсет затянули слишком туго.

– Тогда дыши неглубоко.

– А нельзя немного ослабить шнуровку?

– Ни в коем случае! Британским джентльменам нравятся девушки с очень узкой талией. Итак, на чем я остановилась? Ах да! Если во время ужина беседа случайно прервется...

Лилиан мрачно слушала наставления матери, которые, без сомнения, ей еще не раз предстоит вытерпеть, пока они живут в доме Уэстклифа, и внимательно вглядывалась в свое отражение в зеркале. Сегодня вечером она опять встретится с Уэстклифом. Сейчас эта мысль ее почему-то волновала. Она представила, как его смуглое лицо склоняется над ней, и закрыла глаза.

– Простите, мисс, – услышала она голос горничной. Той показалось, что она слишком туго затянула прядь волос.

– Все в порядке, – сказала Лилиан, грустно улыбнувшись своему видению, – тяните сильнее, у меня прочная голова.

– Это еще слабо сказано, – подала голос Дейзи.

Горничная продолжала укладывать и закалывать волосы, а мысли Лилиан опять вернулись к Уэстклифу. «Станет ли он делать вид, что никакого поцелуя за живой изгородью не было? Или захочет поговорить об этом?» Заинтригованная, она решила, что нужно все рассказать Аннабел. Она, по-видимому, намного больше знала об Уэстклифе, будучи женой его друга, Саймона Ханта.

Стук в дверь раздался в ту самую минуту, как горничная воткнула последнюю шпильку в ее прическу. Дейзи в этот момент натягивала длинные, по локоть, белые перчатки. Она бросилась открыть дверь, не обращая внимания на мать, ведь та настаивала, что это забота горничной. Распахнув дверь настежь, Дейзи радостно вскрикнула. На пороге стояла Аннабел Хант. Лилиан вскочила из-за туалетного столика и бросилась к подруге. Все трое принялись обниматься. В последний раз они виделись несколько дней назад в Лондоне, в отеле «Ратледж», где останавливались их семьи. Ханты собирались переезжать в новый дом, который строили в Мейфэре. Аннабел, Лилиан и Дейзи бегали друг к другу в гости по малейшему поводу, а Мерседес пыталась возражать. Ей казалось, что Аннабел плохо влияет на дочек. Поразительно недальновидное суждение, ведь дело обстояло совсем наоборот.

Аннабел выглядела восхитительно, как всегда. Бледно-голубое атласное платье прекрасно облегло ее формы, на фоне которого ее глаза выглядели густо-синими, а бархатистая кожа еще нежнее.

Аннабел отступила на шаг назад, чтобы рассмотреть сестер. Ее глаза сияли.

– Как вы доехали из Лондона? Наверное, уже было романтическое приключение? Хотя нет, вы здесь всего один день...

– Может быть, и было, – тихо сказала Лилиан, помня, что у матери отличный слух. – Мне надо тебе кое-что рассказать.

– Девочки, – перебила их Мерседес неодобрительно. – Вы не закончили одеваться к вечеру.

– Я готова, мама, – быстро сказала Дейзи. – Смотри, все как надо! Я даже успела надеть перчатки.

– Мне осталось только взять сумочку, – добавила Лилиан, бросаясь к туалетному столику. Она схватила ридикюль цвета сливок. – Теперь я тоже готова.

Аннабел приветливо улыбнулась миссис Боумен, прекрасно зная, что Мерседес ее не одобряет.

– Добрый вечер, миссис Боумен. Надеюсь, вы разрешите Дейзи и Лилиан спуститься вниз вместе со мной?

– Боюсь, им придется подождать, пока соберусь я, – сказала Мерседес ледяным тоном. – Мои невинные девочки нуждаются в присмотре со стороны достойной почтенной особы.

– Аннабел будет нашей компаньонкой, – сказала Лилиан весело. – Не забывай, она теперь уважаемая замужняя дама.

– Я сказала: «достойной особы», – не сдавалась мать, но ей все-таки пришлось замолчать, так как дочери выскочили из комнаты, хлопнув дверью.

– Боже мой, – сказала Аннабел, грустно рассмеявшись. – Меня впервые называли почтенной замужней дамой. Скучно звучит, правда?

– Если бы ты была скучной, – ответила Лилиан, беря Аннабел под руку, – ты бы нравилась нашей маме.

– И нам бы не хотелось дружить с тобой, – подхватила Дейзи.

Аннабел улыбнулась.

– И все-таки мне бы хотелось, чтобы вы уяснили несколько главных правил поведения. Во-первых, если какой-нибудь приятный джентльмен предложит вам выйти в сад, чтобы увидеться с ним наедине...

– Мы должны отказаться? – спросила Дейзи.

– Нет, но, пожалуйста, сначала скажите мне, чтобы я могла вас прикрыть. Во-вторых, если до вас ненароком долетят скандальные сплетни, не предназначенные для невинных ушек...

– Нам не следует их слушать?

– Наоборот, ловите каждое слово! А потом немедленно расскажите мне...

Лилиан усмехнулась, задерживая подругу на углу коридора.

– Можно мне пойти поискать Эви? Без нее у нас не получится официального собрания «желтофиолей».

– Эви уже внизу с тетушкой Флоренс, – ответила Аннабел.

Обе сестры хором воскликнули, обрадованные новостью:

– И как там она? Как выглядит?

– Мы не видели ее целую вечность!

– Кажется, с ней все в порядке, – сказала Аннабел, становясь серьезной. – Немного похудела. Может быть, немного пала духом.

– Неудивительно, – заметила мрачно Лилиан. – Когда с тобой так обращаются...

Они не видели Эви больше месяца. Семья покойной матери держала девушку взаперти. За малейшую провинность ее часто сажали под замок, а выпускали в свет только под строжайшим надзором тетки Флоренс. Подруги даже думали, что суровая жизнь в семье в немалой степени поспособствовала тому, что Эви заикалась. По иронии судьбы, из всех «желтофиолей» Эви меньше всего заслуживала такой строгости, ведь она была робкая, послушная... Девушкам удалось узнать, что мать Эви стала паршивой овцой в семье, выйдя замуж за человека намного ниже себя по положению. Она умерла при родах, и девочку заставили искупать грех матери. Отец, которого Эви видела крайне редко, отличался слабым здоровьем. Вероятно, ему тоже не суждена была долгая жизнь.

– Бедняжка Эви! – грустно продолжала Лилиан. – Я бы хотела уступить ей свою очередь. Надо найти ей мужа и избавить ее от этого ужасного семейства.

– Эви еще не готова, – твердо сказала Аннабел. Судя по решительному тону ее голоса, она уже обдумывала эту мысль. – Ей надо побороть застенчивость. Она не может даже поддержать разговор с джентльменом. Кроме того...

Она с сожалением посмотрела на сестер и обняла тонкую талию Лилиан.

– Ты уже не так молода, чтобы откладывать замужество, моя дорогая.

Лилиан состроила кислую гримасу, и Аннабел рассмеялась.

– Так о чем ты хотела поговорить? – спросила она.

Лилиан покачала головой.

– Давай потом, когда с нами будет Эви, иначе мне придется рассказывать еще раз.

Они спустились в приемные залы, где уже толпились гости.

В этом сезоне в моде были яркие цвета, по крайней мере в нарядах дам. Глаза просто разбегались от насыщенных тонов! Собравшиеся напоминали стайку бабочек. Мужчины традиционно облачились в черные костюмы с белыми рубашками. Однообразие слегка нарушали галстуки и сдержанных расцветок жилеты.

– А где мистер Хант? – спросила Лилиан у подруги.

– Думаю, он с графом и друзьями. – При упоминании о муже Аннабел слегка улыбнулась. Ее взгляд сделался пристальным, и это не ускользнуло от Эви. – Вон Эви! И, кажется, даже тетюшка не хлопочет вокруг нее, как обычно. Какая удача!

Эви стояла у стены, рассеянно глядя на пейзаж в золоченой раме. Казалось, она всецело ушла в себя, вся съежилась, как бы извиняясь за свое присутствие на празднике. Ей было явно неуютно и одиноко в толпе гостей. Никто и никогда особо не приглядывался к Эви, не замечал ее, хотя она была по-настоящему хороша собой. Может быть, была даже красивее Аннабел. Ее красота, однако, была совсем другого рода: рыжие волосы, веснушчатое лицо с огромными голубыми глазами. Подвижный ротик с пухлыми губами... к сожалению, мода требовала совсем другого. При взгляде на ее фигурку захватывало дух, но дело портили скромные невыразительные платья, которые она была вынуждена носить, да и всегда поникшие плечи отнюдь не добавляли ей привлекательности.

Бросившись вперед, Лилиан напугала Эви, схватив ее затянутую в перчатку руку.

– Идем, – шепнула Лилиан, увлекая подругу за собой.

Глаза Эви просияли. Она нерешительно глянула в сторону тетки, которая беседовала в углу с какой-то вдовствующей особой. Флоренс была слишком поглощена разговором, чтобы следить за девушкой. Четыре подруги незамеченными ускользнули из гостиной и почти бегом бросились по коридору, будто вырвавшиеся на свободу узники.

– Куда мы идем? – шепнула Эви.

– На заднюю террасу, – ответила Аннабел.

Они прошли через анфиладу стеклянных дверей в задней части дома и оказались на вымощенной плитками широкой террасе, опоясывающей весь дом.

Внизу открывался чудесный пейзаж, достойный кисти художника: фруктовые сады, аккуратные дорожки, клумбы с редкими цветами. За садами начинался лес, за утесом текла речка Итчен, обозначенная стеной из бурого камня.

Лилиан повернулась к Эви и обняла ее.

– Эви! – воскликнула она. – Я так по тебе скучала! Если бы ты знала, какие жуткие планы мы строили, чтобы вызволить тебя! Мы даже хотели тебя украсть. Почему нам не разрешают прийти к тебе в гости?

– Они м-меня п-презирают, – сказала Эви глухо. – Я д-даже не знала насколько! А совсем недавно... все началось, когда я попыталась увидеться с отцом. Меня поймали и несколько дней не выпускали из комнаты. И почти не д-давали н-ни есть, ни п-пить. Они сказали, что я

неблагодарная и строптивая, что во мне разыгралась дурная кровь. Я для них ничто, просто плод ужасного греха, что совершила моя мать. Тетя Флоренс говорит, это я убила мою маму.

Лилиан с недоверием посмотрела ей в лицо.

– Она так и сказала? Этими самыми словами?

Эви кивнула.

Не помня себя от гнева, Лилиан выругалась, а Эви покраснела. Несомненно, одним из спорных достоинств Лилиан было ее умение ругаться, как матрос. Этот талант она приобрела, проведя слишком много времени в обществе своей бабки, которая когда-то работала прачкой в доках.

– Я знаю, что это неправда, – тихо сказала Эви. – Да, мама действительно умерла в родах, но я же в этом не виновата!

Лилиан положила руку ей на плечо. Девушки направились к одному из стоящих поблизости столиков, Аннабел и Дейзи пошли за ними.

– Эви, что можно сделать, чтобы избавить тебя от этих ужасных людей?

Девушка безнадежно пожалала плечами.

– М-мой отец с-совсем болен. Я спросила, нельзя ли мне пожить у него, но он не согласился. Да и мои родственники могут забрать меня обратно в любую минуту, а у него не хватит сил им помешать.

Девушки помолчали. Как ужасно все устроено! Эви уже достаточно взрослая и, пожалуй, может отказаться от семейной опеки, но положение незамужней женщины слишком ненадежно: пока жив отец, ей не получить наследства. Сейчас же у нее нет средств к существованию.

– Ты можешь пожить у нас с мистером Хантом в отеле «Ратледж», – вдруг сказала Аннабел очень решительно. – Мой муж не допустит, чтобы кто-то увел тебя насильно. Он очень влиятельный человек...

– Нет.

Эви затрясла головой, не дав подруге закончить.

– Я н-не могу поступить так с тобой. Против тебя будет так... нет, ни за что. И потом, как это с-странно будет выглядеть...

Она опять грустно покачала головой.

– Я тут думала... тетя Флоренс сказала, что мне надо выйти замуж за ее сына, кузена Юстаса. Он неплохой человек, и это позволит мне жить отдельно от родни.

Аннабел наморщила нос.

– Да, в наши дни такое все еще бывает, когда женятся двоюродные брат и сестра, но все же это кровосмешение, а любое кровное родство, по-моему... уф!

– Подожди, – подозрительным голосом произнесла Дейзи, сядя рядом с Лилиан. – Мы раньше встречали кузена Юстаса. Лилиан, ты ведь помнишь тот бал в доме Уинтербернов? – Ее глаза сузились. – Это он сломал тогда стул, правда, Эви?

Эви пробормотала что-то неразборчивое.

– Боже правый! – воскликнула Лилиан. – Как ты можешь всерьез думать о таком замужестве, Эви?

Лицо у Аннабел было озадаченное.

– Как он мог сломать стул? У него вспыльчивый нрав? Он запустил в кого-то стулом?

– Он сломал стул, просто сев на него, – презрительно сказала Лилиан.

– У к-кузена Юстаса широкая к-кость, – объяснила Эви.

– У кузена Юстаса подбородков больше, чем у меня пальцев, – закричала Лилиан. – И он так занят набиванием своей утробы, что едва снисходит до разговора.

– Когда я подошла поздороваться с ним, – подхватила Дейзи, – мне пришлось уйти с полуобглоданным крылышком цыпленка в руке.

– Он забыл, что держит его в руке, – сказала Эви извиняющимся тоном. – Я хорошо помню, как он сожалел, что испортил тебе перчатку.

Дейзи нахмурилась.

– Меня больше волновало другое: где он прячет остаток цыплячьей тушки!

Поймав умоляющий взгляд Эви, Аннабел решила прервать поток веселья.

– У нас мало времени, – напомнила она. – Обсудим достоинства кузена Юстаса в другой раз, когда нам больше нечем будет заняться. Лилиан, дорогая, что ты хотела нам рассказать?

Это был прекрасный отвлекающий маневр. Сжалившись над несчастной Эви, Лилиан на время забыла про кузена Юстаса и сделала подругам знак, приглашая сесть поближе.

– Все началось с того, что в Лондоне я зашла в парфюмерную лавку...

Лилиан принялась описывать визит к парфюмеру, мистеру Неттлу, рассказывая подробно, как купила духи, обладающие волшебными свойствами. Время от времени в рассказ встревала Дейзи со своими замечаниями.

– Духи у тебя с собой? – поинтересовалась Аннабел с недоверчивой улыбкой. – Дай понюхать.

– Сейчас. Но история еще не закончена.

Лилиан вытащила флакончик из ридикюля и поставила его на стол. Свет фонаря на террасе отражался в его хрустальных гранях.

– Сейчас узнаете, что случилось сегодня.

Лилиан рассказала, как они с сестрой неожиданно для себя ввязались в игру на заднем дворе, как появился граф Уэстклиф. Аннабел с Эви не верили своим ушам, особенно когда Лилиан рассказала, что граф тоже принял участие в игре.

– Нет ничего удивительного, что лорду Уэстклифу нравится играть в лапту, – задумчиво сказала Аннабел. – Он обожает игры на открытом воздухе. Но то, что ему захотелось играть с вами...

Лилиан вдруг ехидно улыбнулась.

– Видимо, он просто хотел мне объяснить, что я делаю не так. Сначала он показал, как надо замахиваться битой, а потом...

Ей стало вдруг не до смеха. Она поняла, что краснеет.

– Потом он тебя обнял, – быстро подсказала Дейзи, чтобы нарушить изумленное молчание, воцарившееся за столом.

– Что он сделал? – ахнула Аннабел.

– Только чтобы показать, как правильно держать биту.

Лилиан нахмурила темные брови.

– Это было во время игры, и все это не важно. Интересное случилось потом. Уэстклиф повел нас с Дейзи коротким путем к черному ходу, как вдруг на дорожке появился папа с какими-то приятелями. Дейзи побежала вперед, а нам с графом пришлось пережить за живой изгородью. Мы сидели там рядом...

Три «желтофиоли» заговорщицки склонились над Лилиан.

– И что произошло дальше? – потребовала Аннабел.

Лилиан чувствовала, как пылают ее уши. Ей вдруг стало трудно говорить, слова застревали где-то в горле. Она не сводила взгляда с хрустальной бутылочки.

– Он меня поцеловал, – тихо сказала она.

– Боже правый, – воскликнула Аннабел. Эви уставилась на Лилиан, не говоря ни слова.

– Так я и знала! – сказала Дейзи. – Знала!

«Откуда тебе было знать», – хотела было возразить Лилиан, но Аннабел перебила:

– Один раз? Или больше?

Лилиан покраснела еще сильнее, вспомнив чувственные поцелуи графа.

– Не один раз, – призналась она.

– Как это было? – спросила Эви.

Лилиан как-то не приходило в голову, что подруги потребуют подробный отчет о подвигах лорда Уэстклифа. Назойливый жар заливал ее щеки, шею и лоб, покалывая тысячами игл. Она старалась думать о чем-нибудь постороннем, пытаясь успокоиться, но вместо этого ей с пугающей живостью представился Уэстклиф, жар его крепкого тела, ищущий рот. Ей показалось, что внутренности у нее тают и превращаются в горячий металл. Лилиан вдруг поняла: не может она сказать им правду.

– Это было ужасно, – сказала она, нервно покачивая под столом ножкой. – Лорд Уэстклиф целуется хуже всех, кого я знаю.

Дейзи и Эви разочарованно вздохнули. Аннабел, напротив, посмотрела на Лилиан с плохо скрытым сомнением.

– Странно. До меня доходило столько слухов об Уэстклифе. Судя по всему, он умеет угождать женщинам.

Лилиан проворчала что-то себе под нос.

– На самом деле, – продолжала Аннабел, – однажды я играла в карты, неделю назад, и одна из дам за моим столом сказала, что Уэстклиф – само совершенство в постели. Ни один любовник с ним не сравнится. Ей теперь нужен только он.

– Кто сказал такое? – вспыхнула Лилиан.

– Я не могу тебе сказать, – быстро ответила Аннабел. – Это было доверительное признание.

– Не верю, – возразила Лилиан. – У кого хватит бесстыдства признаться в таком?

– Видишь ли, – Аннабел взглянула на нее с легким превосходством, – замужние дамы иногда говорят о многом таком, о чем не могут говорить незамужние девицы.

– Черт возьми! – воскликнула Дейзи с завистью.

Они опять замолчали. Аннабел пристально смотрела на покрасневшую Лилиан. Та не смогла выдержать взгляда подруги и отвела глаза.

– Хватит об этом! – скомандовала Аннабел с внезапным смешком. – Скажи правду, Уэстклиф действительно ужасно целуется?

– Ну, полагаю, терпеть можно, – ворчливо признала Лилиан. – Но дело не в этом.

Эви спросила, округлив глаза от любопытства:

– А в чем д-дело?

Лилиан ткнула пальцем в сверкающий флакончик.

– Уэстклиф был вынужден поцеловать девушку, которую терпеть не может, то есть меня, вдохнув аромат вот этих духов.

Все четверо посмотрели на флакончик с благоговением.

– Правда? – недоверчиво спросила Аннабел.

– Чистая правда, – отозвалась Лилиан.

Дейзи и Эви примолкли, переглядываясь, как будто следили за игрой в теннис.

– Лилиан, ради Бога! Ты самая здравомыслящая девушка из всех, кого я знаю. И ты признаешься, что у тебя есть духи, которые действуют на мужчин, как афродизиак. Самое удивительное, что...

– Афро... что?

– Любовное зелье, – ответила Аннабел. – Лилиан, если лорд Уэстклиф оказывает тебе знаки внимания, это не из-за духов.

– Почему ты так думаешь?

Брови Аннабел поползли вверх.

– Разве на других мужчин, кого ты знаешь, духи производили подобное действие?

– Не замечала, – неохотно признала Лилиан.

– Ты долго ими пользуешься?

– Почти неделю, но я...
– Граф – единственный мужчина, который поддался их чарам?
– Другие тоже почувствуют, – не сдавалась Лилиан, – просто у них пока не было возможности понюхать.

Видя, что подруга ей не верит, Лилиан вздохнула.

– Понимаю, это звучит смешно, но до сегодняшнего дня я не верила ни единому слову мистера Неттла об этих духах. Уверяю вас, именно в ту минуту, как граф почувствовал их аромат...

Аннабел сверлила ее взглядом, не веря своим ушам.

Молчание нарушила Эви:

– Можно мне понюхать?

– Конечно.

Осторожно взяв в руки флакончик, как будто он вот-вот взорвется, Эви вытащила пробку и поднесла флакончик к веснушчатому носику. Сделав вдох, она фыркнула:

– Ничего особенного н-не чувствую...

– Наверное, действует только на мужчин? – предположила Дейзи.

– Что мне интересно, – задумчиво протянула Лилиан, – полез бы лорд Уэстклиф целоваться к кому-нибудь из вас, надушись вы этими духами?

Аннабел поняла, к чему клонит Лилиан, и притворно запротестовала:

– Нет-нет, я замужняя дама, очень люблю мужа, к тому же у меня нет ни малейшего желания соблазнить его лучшего друга.

– Разумеется, тебе не надо его соблазнять. Просто подушись и встань рядом. Посмотрим, заметит ли он тебя.

– Я сделаю это, – вызвалась Дейзи. – И вообще я предлагаю, чтобы мы все надушились сегодня духами Лилиан. Посмотрим, сделает ли это нас более привлекательными.

Эви понравилась мысль Дейзи, Аннабел же вытаращила глаза:

– Ты серьезно?

Лилиан беспечно воскликнула:

– Но ведь вреда не будет! Считай, что это научный опыт. Ты собираешь доказательства своей теории.

Аннабел простонала, глядя, как двое младших трясут флакончик, чтобы извлечь несколько драгоценных капель.

– Это самая большая глупость за всю мою жизнь, – сказала она. – Глупее, чем наша игра в лапту, когда мы бегали в подштанниках.

– Панталончиках, – быстро сказала Лилиан. Они давно уже пытались выяснить, как правильно назвать этот предмет нижнего женского белья.

– Дайте мне.

Обреченно вздохнув, Аннабел протянула руку к флакончику. Она капнула немного благоухающей жидкости на кончик пальца.

– Возьми больше, – посоветовала Лилиан, наблюдая с довольным видом, как Аннабел наносит духи на кожу за ушами. – И еще немного на шею.

– Я редко пользуюсь духами, – сказала Аннабел. – Мистеру Ханту нравится запах чистой кожи.

– Может быть, ему понравится «Ночная красавица».

Аннабел была поражена.

– Духи так называются?

– В честь орхидеи, которая распускает лепестки только ночью, – пояснила Лилиан.

– Вот как! – ехидно отозвалась Аннабел. – А я уж испугалась, что это в честь дамы легкого поведения.

Пропустив мимо ушей слова подруги, Лилиан взяла у нее флакончик с духами. Она подушила немного шею и запястья, после чего сунула духи обратно в сумочку и встала.

– А теперь, – объявила она, удовлетворенно оглядывая «желтофиолей», – пошли искать Уэстклифа.

Глава 5

Маркус удобно расположился в кабинете, не подозревая о нависшей над ним опасности. С ним были зять, Гидеон Шоу, а также друзья Саймон Хант и лорд Сент-Винсент. Они хотели поболтать о своих делах, прежде чем начнется официальный ужин. Откинувшись на спинку кресла, Маркус глянул на циферблат карманных часов. Восемь вечера – самое время спуститься к гостям, тем более что он исполнял обязанности хозяина дома. Однако граф явно не спешил, мрачно глядя на циферблат и думая только о том, что ему предстоит неприятное дело.

Нужно поговорить с Лилиан Боумен. С той самой Лилиан, в отношении которой он сегодня повел себя как сумасшедший, схватил в объятия, целовал... Дикий всплеск ничем не объяснимой страсти!

Он поерзал в своем кресле.

Прямая натура Маркуса требовала решительных действий. Из сложившейся ситуации возможен был только один выход. Он должен извиниться за свое поведение и уверить ее, что подобное больше не повторится. Иначе ему придется целый месяц пробираться по собственному дому тайком, стараясь избежать встречи с девушкой. Будь он проклят, если допустит такое! Маркус не мог делать вид, будто ничего не произошло.

Вот только бы разобраться, почему это случилось? Почему вдруг ему изменила обычная выдержка? Еще более изумляло то, что ему понравилось целовать эту нахалку.

– Неинтересно, – услышал он голос Сент-Винсента.

Лорд сидел на краешке письменного стола и рассматривал в стереоскоп какой-то пейзаж.

– Кому, черт возьми, интересно смотреть на пейзажи и памятники, Уэстклиф? – лениво продолжал он. – Вот если бы тут были стереоснимки женщин! Тогда стоило бы смотреть в эту трубу.

– Полагаю, ты и так достаточно насмотрелся, причем в натуральном виде, – сухо ответил Уэстклиф. – Ты слишком увлекаешься анатомией женщин, Сент-Винсент.

– У тебя свои увлечения, у меня свои.

Маркус взглянул на своего зятя. Тот сидел с непроницаемым лицом, а вот Саймона Ханта их перепалка, по-видимому, забавляла. Эти трое мужчин отличались и характером, и происхождением, их сближала дружба с Маркусом. Гидеон Шоу был так называемый «американский аристократ», каким бы странным ни казалось это определение (его прадедом был один честолюбивый моряк-янки). Саймон Хант был сыном хитрого и предприимчивого мясника, но безукоризненно честного. А вот Сент-Винсент – это был беспринципный негодяй, любвеобильный почитатель женщин. Его всегда можно было встретить на модной вечеринке или приеме, однако как только разговор становился «нудным» (то есть речь заходила о важных или серьезных вещах), он сразу же исчезал и отправлялся на поиски более простых развлечений, например веселой попойки.

Такого закоренелого циника, как Сент-Винсент, Маркус никогда не встречал. Виконт никогда не говорил то, что думал. Если же ему доводилось испытать вдруг симпатию к кому-нибудь, он умел искусно скрыть свои чувства. «Пропавшая душа», – говорили о нем. Действительно, он был неисправим, и весьма вероятно, что Хант с Шоу вряд ли бы терпели Сент-Винсента в своей компании, если бы он не дружил с Маркусом.

Что же касается самого Маркуса, то его связывали с Сент-Винсентом только воспоминания о временах, когда они учились в одной и той же школе. Иногда Сент-Винсент проявлял себя как настоящий друг, на которого можно было положиться. Он помогал Маркусу выбираться сухим из воды, бескорыстно делился присланными из дому конфетами. И в любой драке он всегда вставал на сторону Маркуса.

Сент-Винсент понимал, что это значит – терпеть презрение отца, ведь его собственный отец вел себя ничем не лучше. Оба мальчика умели смотреть на жизнь с мрачным юмором и помогали друг другу как могли. С тех пор как они закончили обучение, характер Сент-Винсента сильно изменился в худшую сторону, но Маркус был не из тех, кто отворачивается от старых друзей.

Сент-Винсент бросился в кресло рядом с Гидеоном Шоу. Маркус невольно сравнивал сидящих рядом мужчин. Оба светловолосые и наделены незаурядной внешностью, но какой контраст! Природа наградила Шоу утонченной, изысканной красотой, а его беззаботная улыбка могла очаровать кого угодно. Немного обветренное и загорелое лицо слегка намекало, что жизнь не всегда благоволила к нему, несмотря на богатство. Какие бы испытания ни выпадали на долю этого человека, он неизменно выходил победителем, не утрачивая бодрости духа и остроумия.

Напротив, Сент-Винсент был красив какой-то экзотической мужской красотой. У него были светло-голубые кошачьи глаза, а рот кривила жестокая улыбка. Он усвоил манеру двигаться и говорить с ленивой медлительностью, которой пытались подражать многие лондонские модники. Он мог бы одеваться, как денди, но понимал, что роскошные наряды только затмят его природный шарм. Поэтому Сент-Винсент носил исключительно строгие темные костюмы безупречного кроя.

В обществе Сент-Винсента разговор, как правило, всегда заходил о женщинах. Совсем недавно одна замужняя и занимающая видное положение в лондонском свете дама даже сделала попытку самоубийства. Это случилось после того, как ее роман с виконтом закончился. Дело получило огласку. Сент-Винсент предпочел сбежать в Стоуни-Кросс-Парк, пытаясь переждать бурю.

– Какая глупая мелодрама! – произнес виконт с издевкой, поглаживая кончиками тонких пальцев край бокала с бренди. – Говорили, что она изрезала запястья, а на самом-то деле просто расковыряла вену шпилькой для волос и принялась вопить со страху. Прибежала горничная, и ее спасли.

Он с отвращением покачал головой.

– Идиотка. Мы так старались сохранить нашу связь в тайне, и вот она делает такое. Теперь все в Лондоне узнали, в том числе ее муж. И чего она думала этим добиться? Хотела наказать меня за то, что я ее бросил? Так ей теперь придется мучиться в сотню раз сильнее. В таких случаях люди всегда осуждают женщин, особенно замужних.

– А что муж? – спросил Маркус, которого всегда интересовала практическая сторона дела. – Он не будет мстить?

Сент-Винсент скорчил презрительную гримасу.

– Вряд ли. Он в два раза старше жены и не прикасался к ней многие годы. Не тот он человек, чтобы рисковать жизнью ради так называемой чести. Думаю, он позволял жене делать все, что угодно, лишь бы она все хранила в тайне. Ведь никто не хочет славы рогоносца. А она-то сделала все возможное, чтобы оповестить весь свет о своем неблагоразумии! Вот дура!

Саймон Хант вопросительно посмотрел на виконта.

– Интересно, – сказал он мягко, – ты считаешь, что дело только в ее неблагоразумии?

– При чем здесь я? – с жаром воскликнул Сент-Винсент. – Я хранил тайну, она – нет.

Он покачал головой и обреченно вздохнул с видом смертельно уставшего человека.

– Зря я позволил ей меня соблазнить.

– Это она тебя соблазнила? – скептически спросил Маркус.

– Клянусь всем, что для меня свято... – Сент-Винсент замолчал. – Погодите. Для меня нет ничего святого, поэтому позвольте выразиться иначе. Вам придется просто поверить в то, что это она начала нашу связь. Она делала намеки направо и налево, появлялась там, где должен был присутствовать я, посылала записки, умоляя навестить ее в любое время. Уверяла,

что живет отдельно от мужа. Я ее даже не особенно хотел. Заранее знал, что будет скука смертная. Но дело зашло так далеко, что было неучтиво отказывать даме. Я отправился к ней, и она встретила меня голой прямо в прихожей. Что мне, по-вашему, оставалось делать?

– Может быть, уйти? – предположил Гидеон Шоу, слегка улыбнувшись. Он разглядывал виконта, словно экзотическое животное в Королевском зверинце.

– Видимо, да, – мрачно согласился Сент-Винсент. – Но я не мог отказать женщине, которая хочет поразвлечься. И прошла чертова уйма времени с тех пор, как я спал с женщиной. По крайней мере неделя. Я был...

– Неделя без женщины – это так долго? – перебил Маркус, вскидывая брови.

– Ты считаешь, нет?

– Сент-Винсент, если мужчина укладывается в постель с женщиной чаще раза в неделю, это означает, что ему больше нечем заняться. Многочисленные обязанности не оставляют времени на... – Маркус замолчал, подыскивая фразу, – бесконечные совокупления.

Его слова были встречены гробовым молчанием. Шоу с преувеличенным вниманием выбивал пепел из сигары на хрустальное блюдо. Маркус нахмурился.

– Ты ведь занятой человек, Шоу. Ведешь дела на двух континентах. Разве ты со мной не согласен?

Шоу слегка улыбнулся.

– Милорд, с тех пор как я стал «совокупляться» исключительно с женой, кстати, твоей сестрой, из соображений порядочности мне следует держать рот на замке.

Сент-Винсент лениво улыбнулся.

– Прискорбно слышать. Какое отношение имеет порядочность к интересному разговору? – Он перевел взгляд на Саймона Ханта, который сидел, слегка хмурясь. – Хант, выскажи свое мнение. Как часто мужчина должен спать с женщиной? Чаще раза в неделю – это непростительная жадность?

Хант виновато взглянул на Маркуса.

– Не хотелось бы мне соглашаться с Сент-Винсентом...

– Хорошо известно, что чрезмерная неводержанность в половой жизни вредит здоровью точно так же, как обжорство и пьянство, – настаивал на своем Маркус.

– Ты только что перечислил мои излюбленные занятия, Уэстклиф, – усмехнулся Сент-Винсент, а потом снова спросил Ханта: – Как часто ты спишь с женой?

– То, что происходит в моей спальне, не подлежит обсуждению, – твердо сказал Хант.

– Чаще раза в неделю? – не сдавался Сент-Винсент.

– Да, черт возьми, – пробормотал Хант.

– Еще бы, с такой красавицей, как миссис Хант! – примирительно сказал Сент-Винсент и рассмеялся, заметив предостерегающий взгляд Ханта. – Успокойся, твоя жена – последняя женщина на земле, на которую я бы мог иметь виды. Не хочу быть избитым до полусмерти. У тебя кулаки, как молот. Кроме того, я не интересуюсь женщинами, которые счастливы в браке. Хватает несчастных! Это намного более легкая добыча.

Он взглянул на Маркуса.

– Похоже, Уэстклиф, твоего мнения никто не разделяет. Упорный труд, самодисциплина... – эти добродетели ничто по сравнению с теплым женским телом в постели.

Маркус нахмурился.

– И все же есть вещи поважнее.

– Например? – спросил Сент-Винсент с преувеличенным вниманием. Он сейчас напоминал непослушного мальчишку, которому неожиданно пришлось выслушать нравоучения престарелого дедушки. – Полагаю, ты начнешь говорить о «прогессе общества»? Скажи-ка мне, Уэстклиф... – Его взгляд сделался хитрым. – Представь, дьявол предложил тебе сделку. Все

голодные сироты Англии будут отныне сыты, если ты навсегда лишишься способности спать с женщинами. Что выберешь? Сирот или собственное удовольствие?

– Терпеть не могу слово «если». Я не отвечаю на такие вопросы.

Сент-Винсент рассмеялся.

– Как я и думал. Бедные сиротки!

– Я не сказал... – начал было Маркус, но вдруг передумал. – Хватит об этом, гости ждут.

Можете продолжать этот бессмысленный разговор, а я пошел к гостям.

– Я иду с тобой, – быстро сказал Хант, вставая. – Жена будет меня искать.

– И моя тоже, – любезно добавил Шоу, также поднимаясь с кресла.

Сент-Винсент одарил Уэстклифа веселым недоверчивым взглядом.

– Боже, сохрани меня от того, чтобы женщина просунула мне в нос кольцо, как волю. И получала от этого удовольствие, будь оно все проклято!

Вот с этим Маркус мог бы охотно согласиться.

Они шли по коридору молча. Маркусу не давала покоя удивительная мысль: Саймон Хант – самый закоренелый холостяк из всех, кого он знал, если не считать Сент-Винсента, но, пожалуй, он вполне был доволен узами брака. Маркус-то прекрасно знал, как Хант дорожил свободой и крайне редко заводил связи с женщинами. Тем более было поразительно видеть, что он готов расстаться со своей независимостью. Да еще ради Аннабел, которая с первого взгляда казалась весьма заурядной и самовлюбленной девицей, занятой исключительно поисками мужа. Однако мало-помалу выяснилось, что этих двоих связывает неподдельное обожание и преданность. Маркусу пришлось признать, что его друг сделал правильный выбор.

– Не жалеешь? – шепнул он Ханту. За ними не спеша шли Сент-Винсент и Шоу.

Хант посмотрел на Маркуса с удивленной улыбкой. Друг графа Уэстклифа был довольно крупный темноволосый мужчина, любитель спортивных игр и заядлый охотник, как и Маркус.

– О чем? – не понял Маркуса Хант.

– Что ты на поводу у жены.

Хант усмехнулся и покачал головой.

– Если я у нее и на поводу, Уэстклиф, так она держит меня вовсе не за нос. Скорее, за некую другую часть тела. И я ни о чем не жалею.

– Наверное, женатая жизнь имеет свои удобства, – размышлял вслух Маркус. – У тебя всегда под рукой женщина, можно удовлетворить свои естественные потребности, уж не говоря о том, что жена обходится намного дешевле, чем любовница. И еще наследники...

Ханта насмешило это представление о браке как о деловом предприятии.

– Я женился на Аннабел вовсе не ради удобств. Не прикидывал цифры, но смею тебя заверить, она не дешевле любовницы. А что касается наследников... Меньше всего я о них думал, когда просил ее руки.

– Тогда почему?

– Я бы тебе ответил. Но ты помнишь, что сказал совсем недавно? Ты надеешься, что я никогда не стану отравлять воздух плаксивой сентиментальностью.

– Ты в нее влюблен?

– Я действительно влюблен, Маркус.

Друг передернул плечами.

– Если иллюзия делает брак терпимым, продолжай заблуждаться.

– Боже правый, Уэстклиф, – пробормотал Хант, озадаченно улыбаясь. – Неужели ты никогда не был влюблен?

– Разумеется. Вне всякого сомнения, я находил, что некоторые дамы нравятся мне больше других. Характером, внешностью...

– Нет, нет! Я говорю не о том, что тебе нравится. Думать только о ней, чувствовать отчаяние, тоску, экстаз – вот что я имею в виду.

– У меня нет времени на эту чепуху, – презрительно сказал Маркус, а Хант рассмеялся. Маркус вдруг почувствовал раздражение.

– Значит, ты не станешь принимать в расчет любовь, когда надумаешь жениться? – миролюбиво заметил Хант.

– Ни в коем случае. Брак – это слишком серьезно. В таком деле нельзя полагаться на чувства. Сегодня они есть, а завтра нет.

– Возможно, ты и прав, – легко согласился Хант, слишком легко, будто и сам не верил в то, что говорил. – Такому, как ты, следует искать жену, полагаясь только на логические выкладки. Хотел бы я посмотреть, как ты в этом преуспеешь.

Они подошли к дверям одного из приемных залов. Ливия тактично объясняла гостям, в каком порядке им нужно проследовать в столовую. Заметив Маркуса, она посмотрела на него с легким укором. Ей пришлось одной встречать и занимать гостей. Невинно взглянув на сестру, Маркус вошел в зал и столкнулся с Томасом Боуменом и его женой. Мерседес стояла по правую руку от мужа.

Боумен, человек спокойного нрава и несколько грузноватый, выделялся своими усами, такими густыми, что это почти искупало отсутствие волос на его голове. Находясь на светских приемах, он всегда выглядел несколько смущенным. У него был вид человека, который предпочел бы заниматься делом вместо того, чтобы терять время в светской гостиной. Но стоило заговорить о делах – торговле, промышленности, – как он оживлялся и принимал участие в обсуждении, проявляя редкую проницательность.

– Добрый вечер, – сказал Маркус, здороваясь с Боуменом и склоняясь затем к руке Мерседес.

Она была очень худа. Под тканью перчаток торчали костяшки пальцев и такие острые запястья, что хоть морковку три. Она была вся напряжена, словно свернувшаяся в кольцо змея, готовая напасть в любую минуту.

– Пожалуйста, примите мои извинения за то, что не смог приветствовать вас днем, – продолжал Маркус. – И позвольте сказать: я так рад снова видеть вашу семью в поместье Стоуни-Кросс-Парк.

– О, милорд, – зашебетала Мерседес, – просто не могу выразить, как мы рады снова погостить в вашем великолепном поместье. Никким образом не можем обижаться на ваше отсутствие сегодня днем. Мы понимаем, что такой человек, как вы, обремененный бесчисленными заботами и обязанностями, вынужден посвящать большую часть времени исполнению своего долга.

Она воздела руку. «Как богомол», – подумал Маркус.

– Ах, вон там стоят мои милые дочурки, – воскликнула она и громко позвала: – Девочки! Девочки! Смотрите, кого я встретила! Подойдите же и поговорите с лордом Уэстклифом!

Она почти кричала, и кое-кто из гостей поглядывал на нее с явным недоумением. Маркус старался сохранить невозмутимое выражение лица, наблюдая за энергичной жестикуляцией Мерседес. Вдруг он заметил девиц Боумен и понял, что грязные сорванцы, любители лапты на заднем дворе, сильно преобразились. Взгляд его задержался на Лилиан. На ней было бледно-зеленое платье, корсаж которого, казалось, с трудом удерживают две крошечные золотые пряжки на плечах. Ему невольно представилось, как он срывает эти пряжки, и зеленый шелк спадает с груди и плеч, обнажая сливочно-белую кожу.

Маркус с трудом заставил себя посмотреть ей в лицо. Ее блестящие темные волосы были аккуратно зачесаны наверх и уложены в затейливую прическу. Он посмотрел на стройную шею Лилиан. Казалось, ей было трудно удержать такую массу волос. Зачесанные наверх волосы больше не скрывали лоб, отчего глаза еще больше напоминали кошачьи. Лилиан взглянула на Уэстклифа, и легкая краска залила ее щеки. Она осторожно кивнула в знак приветствия. Было ясно: ей меньше всего на свете хотелось сейчас идти через зал к нему.

– Не стоит звать дочерей, миссис Боумен, – начал он. – Они весело проводят время в обществе друзей.

– Их друзья! – презрительно воскликнула Мерседес. – Если вы имеете в виду эту скандальную Аннабел Хант, то уверяю вас...

– Я очень ценю и уважаю миссис Хант, – возразил Маркус, смерив Мерседес взглядом. Захваченная врасплох, она слегка побледнела и быстро сменила тактику:

– Если вы, с вашим безупречным суждением, считаете миссис Хант достойной особой... Милорд, мне остается лишь согласиться. На самом деле, я часто думала...

– Уэстклиф, – наконец вмешался Томас Боумен, которого не очень-то занимала беседа о дочерях, – когда у нас будет возможность обсудить наши дела?

– Если угодно, завтра, – ответил Маркус. – Мы запланировали прогулку верхом рано утром, затем будет завтрак.

– Кататься я не поеду. Мы увидимся за завтраком.

Они пожали друг другу руки. Слегка поклонившись, Маркус оставил чету Боумен. Ему нужно было поговорить и с другими гостями, ожидающими своей очереди. Вскоре к гостям присоединилась еще одна особа. Все поспешно расступились при виде тщедушной фигуры леди Джорджианы Уэстклиф, матери Маркуса. Она была сильно напудрена, серебряные волосы тщательно уложены, шея, запястья, уши и даже трость были увешаны бриллиантами.

Надо заметить, что некоторые пожилые дамы выглядят часто надменными, но сердце у них золотое, графиня же Уэстклиф не принадлежала к их числу. Ее сердце – если оно вообще у нее имелось – было сделано никак не из золота или другого плавкого материала. Графиня никогда не была красавицей. Надень она вместо роскошного наряда суконное платье и фартук, ее с легкостью можно было бы принять за немолодую горничную. У графини было круглое лицо, крошечный рот, маленькие птичьи глазки, невнятной формы нос. Ее лицо носило маску сварливого разочарования, как у ребенка, что в день рождения открывает красивую коробку и обнаруживает там подарок, полученный в прошлом году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.